

Владимир
Троекуров

ЖИЗНЬ КАК ОНА ЕСТЬ

Объяснение
в любви

Владимир Троекуров
Жизнь как она есть.
Объяснение в любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51932345

Жизнь как она есть Объяснение в любви:

ISBN 978-5-907189-95-9

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	11
Глава 2	24
«Несчастный случай»	25
Несвадебное путешествие	49
Вместе	73
Новые разлуки	94
Глава 3	99
Откуда все взялось?	102
Странный атеист	106
Что есть Истина?	119
Истина иллюзии	126
Паломничество в страну Востока	142
Монастырь	150
Малая церковь	163
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Владимир Троекуров

Жизнь как она есть

Объяснение в любви

*Моей любимой дочери, а также всем
неверующим и изверившимся во Христе
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Предисловие

*Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему
даждь славу о милости Твоей и истине Твоей.*

Пс. 113: 9

*Путь к совершенству Отца – сострадание.
Прп. Исаак Сирий*

Когда однажды я возвращался из служебной командировки в поезде дальнего следования, судьба свела меня с необычным попутчиком.

– Борис, – просто представился он.

Это был человек зрелого, если уже не пожилого возраста: густая седая шевелюра, округлый, тщательно выбритый подбородок, внимательные, глубоко посаженные серые глаза на квадратном лице, – все в новом знакомом производило приятное впечатление. На его правой руке тускло поблескивало потертое обручальное кольцо.

Других пассажиров в купе с нами не было, и мы разговорились.

Как обычно бывает с незнакомыми людьми, беседа шла о том, что на слуху, что обсуждают и пересуживают телевидение и Интернет. Когда речь зашла о Церкви и «служителях культа», я походя прошелся по порокам духовенства и суете

вериям прихожанок и заключил:

– Вообще, все это такая чушь, о которой современному человеку с высшим образованием и говорить странно.

– Что вы имеет в виду? – спросил меня Борис.

– Я говорю о Боге, мистике всякой... Я, конечно, понимаю: родная история, вера предков, народные обычаи, обряды... У меня вот товарищ с женой – люди неверующие, но сына крестили. Спрашиваю: «Зачем вам это?». «На всякий случай», – отвечают и улыбаются. Может, так и надо, чтобы жить в традиции... Я сам принимаю Бога в культурном плане...

– То есть?

– Ну, хотя бы как часть нашей литературы, искусства, философской мысли... Как некий культурный символ... Но считать себя Его созданием?!. Будучи зрелым человеком, опять вернуться в положение ребенка, поставить себя в зависимость от Отца?!. Я отказываюсь! Зачем мне это? Я самостоятельный человек, сам отвечаю за свою судьбу. Мне «наверху» никакой контролер не нужен!

– Да, но тысячи и миллионы других людей жили и живут иначе.

– Это их право. В Африке вон себе носы прокалывают или шест к спине пришивают и танцуют под барабан, поклоняются тотемным животным – крокодилу, скажем. Что же, и мне то же самое делать?

– Наверное, во тьме прошлых эпох кто-то из наших с ва-

ми предков занимался примерно тем же самым. Но тысячу лет назад ваш тезка, князь Владимир, крестил киевлян, да и всех остальных своих подданных. С тех пор наши пращурьы и прадеды веками ходили в православные храмы на литургию. Неужели все это держалось на одной необразованности и инерции традиции?

– Не знаю. Может быть, – ответил я безразлично, глядя в окно, но потом, догадавшись, с удивлением спросил:

– А вы что же, серьезно полагаете, что за всем этим что-то стоит? Какая-то высшая реальность? Творец мира, Который благ, всемогущ, всемогущ и тому подобное?..

– Не сомневаюсь в этом, – сказал Борис спокойно.

– И вы, стало быть, не принимаете бунта Ивана Карамазова, отказавшегося от будущей «всемирной гармонии» на слезе невинного ребенка? – стыдно признаться, я добавил в свой голос иронии.

Тень набежала на лицо Бориса. На нем проступило скрытое дотоле душевное напряжение и даже страдание.

– Молодой человек... – обратился он ко мне изменившимся голосом.

«Не так уж я юн, как кажется», – мысленно возразил я с обидой.

– ...У вас есть дети?

– Нет, – ответил я. – Вообще-то я не женат...

Что-то подсказывало мне, что я зря упомянул о ребенке.

– В таком случае мы с вами принципиально различаемся

тем, что вы теоретик, а я практик, – продолжил Борис. – Да, вы думаете о жизни, пытаетесь в ней разобраться. Но беда в том, что, прослушав курс лекций на филфаке или в литинституте, проштудировав «классиков», вы решили, будто познали все на опыте, как и они. Что, разочаровавшись в однокурснице, познали страдания любви; увидев клирика на иномарке и прочитав в «Московском комсомольце» о коммерческих махинациях священнослужителей, вы постигли природу Церкви, а услышав от приходской старушки, что Троица, в Которую она верит, – это Христос, Богородица и Николай Угодник, вы познали догматы веры и заодно узнали цену образованности. Прочитав Достоевского и теоретически сострадав абстрактному ребенку и всему страждущему человечеству, в порыве «праведного негодования» вы решили, что вправе хулить Творца...

– Да я и не собирался... – попытался возразить я.

– Но я не осуждаю вас, – не дал мне договорить Борис. – Потому что когда-то я сам был таким. И думал, и рассуждал я так же. И аргументы у меня были те же. Только я читал не «МК» и «НГ»¹ как вы, а советские учебники научного атеизма, «Забавную библию» и журнал «Атеистические чтения», которые вы, наверное, и в глаза не видели. Я был октябренок, пионером и комсомольцем. Я был коммунистом по идеалам, а не по партбилету. Я читал лекции о вреде религии в подшефной школе, слушал и сам рассказывал богохульные

¹ Газеты «Московский комсомолец» и «Независимая газета». Глава 1

анекдоты. Да что там... Если говорить все по порядку, нам и вечера не хватает...

Я молчал. А он вдруг стал рассказывать о себе. Вначале не очень охотно, как бы через силу, но потом, видимо почувствовав во мне внимательного слушателя, все более и более откровенно, даже исповедно, так что мне временами становилось не по себе. Я слушал его, не прерывая. Через какое-то время с его молчаливого согласия я начал кое-что записывать в свой блокнот... Мы проговорили весь вечер, всю ночь... За окном проносились станции и полустанки. Я несколько раз выходил из купе за кипятком для чая. Поезд делал ночные остановки и вновь мчал нас сквозь тьму, а перед моим мысленным взором, как пейзаж за окном, протекала чужая жизнь, полная банальных бытовых неурядиц, высокой поэзии чувств, трагедийного накала страстей и духовных откровений.

Я был поражен, захвачен нехитрым внешним сюжетом чужой жизни. Вряд ли мне удалось бы по памяти изложить все его откровения о себе. Но, к счастью, мне посчастливилось разыскать его потом в Москве и (не без труда) уговорить поделиться со мной некоторыми своими записями...

Читая и разбирая его дневники, я мало-помалу вошел во внутренний мир его жизни, в его язык. Наткнувшись на обилие цитат из Священного Писания, ссылок на богослужебную литературу и святых отцов, я стал сверяться с источниками (профессия, однако) и даже ходить на церковные служ-

бы. Конечно, я далек от той глубины, которая была открыта Борису, но что-то все-таки я понял...

Мы еще не раз встречались с Борисом, пока он не переехал в Киев. Прошли годы, я потерял с ним связь, однако остался благодарен ему за ту новую жизнь, которой теперь живу. Возможно, его история поможет кому-то еще обрести жизненные ориентиры. Я изменил имена, бытовые детали, но главное осталось неприкосновенным. Так родилась эта повесть.

Глава 1

«Родился человек в мир»²

Жизнь Бориса не задалась с самого начала – он умер в родовых путях. Мужественные советские медики, эти «люди в белых халатах», по халатности и равнодушию прозевали начавшиеся роды у ничем не примечательной роженицы: воды давно отошли, и крупный ребенок задохнулся, застряв между уютной материнской утробой и покуда неизвестным ему белым светом. Мертвое тельце в конце концов удалось вытянуть с помощью акушерских щипцов, повредив, правда, мягкие еще кости черепа, и с трудом оживить. Не такой уж редкий случай, как говорят акушеры. И не с таким прошлым люди живут. Борис тоже жил.

Воспоминания его матери о мучительных и смертельно опасных родах, бытовая неустроенность, сложные отношения с мужем и проблемы с женским здоровьем стали причиной того, что Борька остался единственным ребенком в семье. Мать Борьки, недавняя москвичка из тамбовского села, принесла окрестить его в небольшую московскую церквушку, чудом ни разу не закрывавшуюся во все годы повсеместной борьбы с «опиумом для народа». В ожидании своей очереди Борька отчаянно кричал на руках своей тетки, выры-

² Ин. 16: 21.

вался из одеяла, так что выставил-таки на мороз свои босые розовые пятки, пока его мать ездила домой за забытым паспортом. Но в конце концов таинство совершилось и Борька родился вторично, на этот раз во Христе.

Все раннее, несознательное еще детство Борьку мучили головные боли, от которых он кричал днем и ночью, лишая сна и покоя родителей. В более сознательные годы его изводила тошнота в общественном транспорте, на котором его таскали по дошкольным детским учреждениям Москвы, когда по ее улицам на радость восторженной толпе проезжали колонны автомобилей с первыми героями-космонавтами.

Родовая ситуация полной беспомощности, мучительного удушья и ужасного конца не оставила в памяти Бориса ничего, но где-то в потаенном месте его души, которое именуют мало что объясняющим словом «подсознание», весь этот ужас остался навсегда.

Собственно, сам Борис узнавал подробности своего рождения из разговоров своей матери с ее собеседницами, случайно и урывками, и они мало что ему дали. Но, видимо, столь неудачное начало наложило неизгладимую печать на всю последующую жизнь. Сколько Борис себя помнил ребенком, он всегда играл в войну и был убитым. Причем многократно в течение одной игры со сверстниками. От этого зимой он возвращался домой весь мокрый с головы до ног: умирать приходилось почти взаправду и на снегу. Летом он отделялся пылью и сором на штанах и рубашке. Один раз

довелось утонуть. Правда, не совсем, хотя и по-настоящему. Их городской детский садик имел открытый бассейн во дворе, и летом всю голую малышню выводили туда купаться. Холодной воды не жалели, и она доходила им до груди. В воду кидали надувные резиновые круги и полуспущенные автомобильные камеры. Вот такая камера и подвела маленького Бориса. Малыш вознамерился улечься на нее животом, и она притопла под весом Борьки, оторвав от дна его ноги. Голова, угодившая в широкое внутреннее кольцо, оказалась под водой. На поверхности осталась торчать только попка в трикотажных трусиках. Борька с интересом разглядывал под водой чьи-то ноги, делал попытки выбраться, но не мог ничего изменить в своем подвешенном положении. До страха, удушья и хлебания воды дело не дошло. Рассерженная воспитательница вытащила его за трусы из подлой западни, пригрозила и потребовала от него больше не баловаться. С тех пор во время купания, в каких бы водоемах оно ни происходило, Борис больше никогда даже на детские круги не ложился животом, но пролезал внутрь и безопасно греб ручонками, натирая себе подмышки до красноты. За безопасность тоже надо было чем-то платить.

Советское детство

Насколько он помнил, в первый раз смерть предстала ему в образе мертвой аквариумной рыбки, которую они всей детсадовской группой вместе с воспитательницей носили хоронить, где-то за забором их детского учреждения. Могилку рыбки разорила потом бродячая кошка. Образ человеческой смерти был сложнее. Когда он вместе с другими детьми гулял во дворе своего дома, добрый старичок в желтой соломенной шляпе и светлом парусиновом пиджаке иногда угощал их конфетами. Ребята показали Борьке окно его комнаты в соседнем доме. Потом Борька услышал от них, что дедушка умер. Он помнил, как смотрел на темный проем ок-

на в желтой стене. Влетавший в открытую форточку ветер шевелил страницы лежащей на подоконнике книги. Таким запомнился ему первый образ человеческой смерти. Позже она обрела конкретные черты.

Лето он проводил в деревне у бабушки. Туда же съезжалась многочисленная родня: тетки и дядья, двоюродные братья и сестры. Там было шумно и весело, много ягод и яблок в саду, пруд, луга, шипящие гуси, кудахтающие куры. Там блеяли загоняемые во двор овцы, корова исправно поила всех молоком, куры несли настоящие яйца... Можно было спать до обеда, а не ехать спозаранку в детский сад... Словом, тихое детское счастье на свежем воздухе. Но однажды, когда все были в доме, у него на глазах младший братишка погнался за кошкой. Та бросилась в кухонный чулан и с перепугу сиганула на верхнюю полку, оттолкнувшись в прыжке от большой, накрытой крышкой кастрюли, в которой закипала вода. Кастрюля слетела с керосинки и обдала кипятком трехлетнего малыша. Саша зашелся в крике...

Ближайшая больница была на железнодорожной станции в двенадцати километрах от их деревни. После дождя машины по жирному маслянистому чернозему, называемому грунтовой дорогой, ехать не могли. Пока нашли тракториста, пока синий работяга «Беларусь» с тесной кабинкой, в которой с трудом помещались два человека, довез мать с малышом до врачей... Братик умер в больнице. Обрато его привезли в маленьком гробике. На деревенском кладбище Борь-

ка стоял за гробом, в головах. Саша неподвижно лежал, а вокруг плакали и причитали взрослые. Все подходили и целовали Сашу в восковой лобик.

– Боря, поцелуй братика, – говорили ему его тети.

Но ему было страшно только от одной мысли, что он должен прикоснуться своими губами к этой желтоватой коже на выпуклом лобике Саши, который уже ничего не говорил и даже не двигался, о котором все вокруг говорили, что он умер...

* * *

Вопрос принца Датского в первый раз встал перед Борисом рано, лет в пять-шесть. Как-то, обидевшись за что-то на своих родителей, он лежал ночью один (родители были на коммунальной кухне) на кровати в их единственной комнатке и размышлял об ответных мерах. «Больше не буду есть еду, которую они мне дают. Ничего мне от них не надо, – решил он. – И одежда их мне не нужна». Придя к этой мысли, он снял с себя ночную рубашонку и уже не стал накрываться одеялом. Стало холодно, но обида была сильнее. «Мне ничего от них не надо. Я все им верну – одежду, игрушки... Но они же меня еще и родили...» Последняя мысль его озадачила. Выходило, что для полных счетов с папой и мамой надо было отказаться от подаренной ими жизни, то есть умереть. Эта была крайняя степень освобождения от детской зависи-

мости, но на тот момент обиды на нее не хватило. Он нехотя оделся, помучался еще своим открытием и незаметно для себя уснул.

Детские сны Бориса всегда были мучительными. Все раннее детство его изводили ночные кошмары. Его убивали ножами, саблями, расстреливали из винтовок и автоматов... Он падал с огромной высоты в зияющую бездну с замирающим сердцем и чувством сладкого ужаса... Со временем Борька запомнил, что полет в бездну заканчивается не ударом о землю и болью, а пробуждением и чувством облегчения от пережитого. Хуже обстояло дело с ножами. Он панически боялся ножевых ранений в своих снах. Угрозы удара ножом в разных сюжетных вариантах изводили его ожиданием боли от вонзающейся в плоть стали. Страшнее всего было то, что время от времени он их все-таки получал и тогда с криком просыпался.

Дни были более счастливыми, наполненными детскими играми, беготней, ушибами и ссадинами... Жизнь шла вперед, но смерть всегда была с ним. Она пугала... и почему-то манила. Иногда он брал в руки нож и раздумывал о том, куда его надо себе воткнуть, чтобы умереть. В живот? Больно и, как говорят взрослые, не смертельно, или, по крайней мере, не мгновенно. Лучше в сердце, под левый сосок плоской детской груди... Пальцы он ранил себе частенько, неудачно отрезая кусок хлеба от буханки. А вот воткнуть нож себе глубоко внутрь... Уже во время службы в армии, будучи в

карауле, он примерил ствол заряженного «калаша», упирая его себе в ребра, все те же, но под уже выпуклой мускулистой мужской грудью. С пересохшими губами он осторожно отключил предохранитель, положил палец на спусковой крючок и замер, смотря в темную землю и ощущая кожей через гимнастерку холод ружейной стали. «А вдруг рука дрогнет, и я выстрелю?! А если ствол съедет, и я промахнусь?! Не насмерть!.. Искалечит!!!» Он осторожно снял палец с крючка, поставил на предохранитель и отстранил от себя автомат. Зачем?

Демобилизовавшись, он вернулся в Москву и зажил гражданской жизнью. Поступил учиться в институт на технолога легкой промышленности, но на душе было по-прежнему тяжело. «Почему так манит, так притягивает к себе смерть? – думал Борис. – Что так властно зовет к ней? Почему, стоя где-то на обрыве, на высокой скале, на крыше или балконе дома, ловишь себя на, казалось бы, противоестественном желании ступить шаг в разверзшуюся под ногами бездну и лететь, лететь вниз, вниз, все быстрее, быстрее... пока не распластаться на самом дне, разбросав в стороны руки, припав к земле разбитой грудью, словно пытаясь обнять ее всю?..»

Прошли годы учебы. Он уже работал технологом в техбюро, а глубинная тоска от непонятной безысходности своей жизни не оставляла его. Он жил вместе с родителями, у него, конечно, были друзья, но все же он чувствовал себя одино-

ким, особенно с окончанием студенческой поры. Школьные и студенческие друзья повзрослели. Кто-то уехал из Москвы, кто-то встречался с девушками, кто-то уже и женился. Мармеладовское «человеку надо, чтобы было куда пойти» не имело для него положительного ответа. В стране развитого социализма, где «молодым везде у нас дорога», ему было абсолютно некуда идти. Одиночество многолико, как многолико человечество, и однообразно, как и оно. Бывало, он бродил один по центральным улицам большого города, смотрел на проезжающие мимо автомобили, мигавшие ему то правой, то левой фарой, поочередно закрываемых придорожными столбами, и думал: «Все они куда-то спешат... А я вернусь домой, лягу спать, а завтра утром опять пойду в техбюро... Пройдет еще один день. Настанет вечер. Ночь. Снова день... Зачем?!.»

Он чувствовал себя на обочине жизни. Жизнь представлялась ему мчащимся поездом. Одни в нем едут, стремясь на ходу перебраться из общего вагона в плацкартный, из плацкартного в купейный, оттуда в СВ... Другие плюют на «карьеру», вылезают на крышу и дышат вольным ветром. Или улетают на сделанных себе крыльях... А он идет вдоль путей. Время от времени вскакивает на подножку бегущего мимо поезда и тогда жадно глотает тугой пьянящий воздух, и ему кажется, что он летит над землей... Но вдруг замечает, что он опять стоит на обочине, а поезд жизни мчится мимо. Там плачут, смеются, ругаются, любят и ненавидят... А он только смотрит на все это со стороны. Аутсайдер жизни...

Регулярный дневник он бросил вести еще в школе и теперь лишь делал в каких-то блокнотиках и на случайных клочках записи своих мучительных мыслей. «Главная задача – заставить себя жить. Научить себя любить жизнь. Доказать себе, что ты все-таки достоин ее. Выискивать в своей душе крохи доброго, человеческого, возвышенного, поднимающего тебя над зверем. И, цепляясь за них, жить, впадая в отчаяние всякий раз, как только обнаружишь их исчезновение». «Жить для меня, значит страдать. Когда я страдаю, тогда-то я и живу». «Мы все приговорены к разным срокам телесного заключения. Сроки неизвестны, но все пожизненные». «Такие люди, как я, не живут. Они просто не умирают. Долго-долго, пока не устанут...» «Если не думать о жизни, мысль о смерти в голову не приходит. Мысли о смерти приходят, как только задумываешься над жизнью...» «Жизнь бессмысленна, как и смерть. Смысла не существует. Жизнь теряет всякий смысл, стоит только о нем задуматься. Надо уметь просто жить. Если этого не можешь, то будешь не жить, а мучиться и мечтать о смерти, которая бессмысленна, как и жизнь». Научиться любить жизнь прежде ее смысла, по совету одного из героев Достоевского, у Бориса не получалось.

Доводы знакомых, что осознание конечности нашей жизни как раз и придает ей смысл, ему не помогали. Для него смерть обесмысливала в жизни все, включая и ее самое. Смерть была не просто рядом, а в нем самом. Рядом или где-

то вдалеке была гибель – возможность попасть под машину, например. Смерть же была частью его самого и потому всегда с ним, даже когда ее не было в памяти и сознании. Той самой частью, которая неотлучно пребывала в глубине его существа. «О, злее зла зло это!..»

Глава 2

Любовь человеческая

Нехорошо быть человеку одному.
Быт. 2: 18

«Несчастный случай»

Брешь в стене одиночества возникла хоть и не скоро, но вовремя, у последней черты. Любовь появилась в жизни Бориса внезапно, хотя предчувствовал и ждал ее он уже давно. Кто-то верно сказал: любовь приходит в подготовленное сердце.

До определенного момента времени он влюблялся и любил «идеально». В первом классе – свою одноклассницу, красавицу и отличницу. Тайно вздыхал, томился и завидовал, пока его лучший друг носил ей портфель и провожал домой. Но красивая девочка перевелась в другую школу, и в старших классах Борис был тайно влюблен в другую, тоже красавицу и отличницу. По иронии судьбы за ней ухаживал тот же его лучший друг. Душа Бориса разрывалась между юношеской дружбой и юношеской любовью, но победила верность другу. Правда, после школы их отношения не сохранились. Друг расстался и с Борисом, и с одноклассницей. По окончании института он женился на другой и уехал с ней на несколько лет в заграничную командировку. Девушка тоже вышла замуж за другого, а Борис остался один – и без друга, и без любимой.

Несколько повзрослев после школы, Борис влюбился совсем уж «идеально» – в молодую Авдотью Панаеву, портрет которой он обнаружил в биографии ее знаменитого современника.

менника, Ф. М. Достоевского. Бориса с первого взгляда поразила ее необыкновенная красота: нежный овал лица, большие черные глаза, гладко зачесанные темные волосы с пробором посередине... Она чем-то напоминала его одноклассницу, чуть не разлучившую его с другом. Но в красоте этой литературной пассии угадывалась какая-то особая недобрая сила, которая и притягивала, и настораживала. И действительно, из книги Борис узнал, что Достоевский, начинающий тогда писатель, был влюблен в эту двадцатидвухлетнюю замужнюю женщину. Про ее мужа, человека с отталкивающей неряшливой внешностью, ходил странный анекдот из иронического сонника той поры: «Господина Панаева во сне видеть – кофею облитися или купить полдюжины голландских рубашек». Неудивительно, что эта прима литературного салона, про которую говорили, что она женила на себе весь журнал «Современник», оставила супруга и стала гражданской женой более удачливого в делах Некрасова. А после смерти законного мужа бросила умирающего от рака поэта и вышла замуж за следующего литератора, оставившего ее без средств к существованию после своей смерти. Счастье Бориса, что он родился на полтора века позже предмета своей «идеальной» любви.

Как ни «идеальны» были его чувства к возлюбленной, но, подогреваемые лишь портретом и историей литературы, они не могли продолжаться вечно, и Борис влюбился в другую. И снова по «картинке», но на этот раз в свою современницу.

У своего товарища по работе Борис увидел групповое фото со свадьбы его сестры, проживающей в Воронеже. На фотографии несколько парней и девочек, позируя, стояли дружной стеной слева и справа от молодоженов. Внимание Бориса привлекла одна девушка (может быть, свидетельница невесты). Ее лицо, повернутое вполоборота в сторону от фотографа, было отрешенно. Она словно отсутствовала. Взгляд ее был так печален и даже трагичен, что Борису нестерпимо захотелось хотя бы написать ей письмо и выразить свое сочувствие в неизвестном ему горе или жизненной драме. Он не знал причин ее печали, но именно эта печаль делала незнакомку родной и близкой ему. В ответ на просьбу Бориса узнать адрес девушки, сестра сообщила брату, что эта девушка – ее лучшая подруга и действительно очень хороший человек, но уже год как замужем... Борис долго не мог успокоиться. Тайно писал стихи о прекрасной даме, увиденной им на фотографии, скорбел и сочувствовал ей, сам не зная в чем. Его чувства к ней были чисты и идеальны, стихи неумелы и возвышенны, печаль неутешна, одиночество неизбежно...

После своей демобилизации, ни за годы учебы в институте, ни позже Борис так и не встретил свой идеал. Изнывая от вынужденного безделья на своем рабочем месте, Борис часто выходил из тесной, уставленной столами и кульманами комнаты в широкий коридор, где подолгу беседовал со встречаемыми. Туда же выходили на прогулку и представительницы

прекрасного пола. Про одну из них, на редкость худую, ему по секрету сказали, что она дочь секретаря райкома партии. В условиях дефицита и тотального блата «развитого социализма» такое родство сулило находчивому человеку безочередный доступ к распределению благ из «фонда общественного потребления» (квартира, машина, закрытый распределитель промтоваров и продуктов питания, бесплатные путевки в привилегированные дома отдыха и т.п.), а также широкие карьерные перспективы. Но Бориса с его идеальными представлениями о жизни и любви совершенно не привлекали ни карьера, ни партийная бюрократия, ни сама носительница привилегий, хотя она старательно поддерживала с ним разговоры о Серебряном веке, Блоке, Бальмонте, о концертах классической музыки... По своей наивности, Борис не придавал этому никакого значения, считая, что Таня, как и он, болтает с ним от нечего делать. Но, когда однажды в разговоре она ошиблась, неправильно назвав подлинную фамилию Андрея Белого, по тому, как она смутилась и расстроилась, поправленная Борисом, он понял, что девушка почувствовала себя студенткой, провалившейся на экзамене, или разведчиком-нелегалом, забывшим свою «легенду»...

* * *

Со Светланой он познакомился случайно, летом в экскурсионной поездке в Новгород. Он со школы бредил Ки-

евской Русью, полянами, древлянами, вятичами... Светлана была из Киева, тоже любила русскую историю, много ездила по стране, и вот... Он потом в шутку назвал это «несчастливым случаем», но в каждой шутке есть только доля юмора – остальное суровая, иногда трагическая правда жизни.

В Новгороде они оказались в одной группе, составленной из туристов, приехавших из разных городов. Стройная, эффектная, она сразу привлекала внимание. У нее были темно-русые волосы и яркие глаза. С первого взгляда Светлана показалась суровой и неприступной. Если бы молодежи в группе было побольше, возможно, они так и не познакомились бы. Но поскольку большинство туристов было уже в возрасте и довольно равнодушно к «объектам туризма» (профсоюзные путевки собирали вместе не столько любителей отечественной истории и местных достопримечательностей, сколько тех, кто не прочь «проветриться» и гулянуть на свободе), то два молодых человека, с искренним интересом слушающих и задающих вопросы экскурсоводу, выделялись из толпы.

Борис и Светлана не сразу и поначалу осторожно, но как-то сошлись на почве самостоятельных экскурсий по городу. Летом в Новгороде было что посмотреть, а им, оказалось, было о чем поговорить. Дождь сблизил их еще больше. В буквальном смысле. Когда во время одной из прогулок с неба полились потоки прохладной влаги, прибывающей пыль и освежающей по-летнему жаркий воздух, Светлана и Борис

оказались под одним зонтом. Светлана обхватила выше локтя его руку и прижалась к нему, стараясь спрятаться от бивших сверху струй. Казалось, что всем своим существом, а не только предплечьем Борис почувствовал нежную кожу ее руки, буквально обвившей его руку. В этом было что-то такое трогательно-родное, что ему стало очень тепло и радостно на душе.

То, что он влюблен в Светлану, Борис поначалу не понял. Рядом с ней ему было просто хорошо и спокойно. Он забывал о своей тоске, но не мог выразить свое душевное состояние в ясных терминах брачно-любовных отношений даже для себя самого. В разлуке с ней жизнь становилась для Бориса еще мучительнее, чем прежде. Поскольку они жили в разных городах, видеться им удавалось крайне редко. Письма в те годы были не электронные, а бумажные, в конвертах с марками. Шли они быстро. При хорошем раскладе от Москвы до Киева письмо доходило за три дня. При плохом – за пять-семь или исчезало навсегда. Телефоны тогда были не у всех. Поэтому в промежутках между письмами общаться приходилось только в мысленном монологе. Это были мысленные письма длиной в день, а дни одиночества и разлуки были бесконечно длинны.

Когда тоска по Светлане совсем одолевала Бориса, он ехал в центр Москвы к Центральному телеграфу и там, в соседнем переулке, заходил в бывший храм, превращенный в междугородний телефонный узел. Звонить в Киев можно

было Светиным соседям, с которыми она договорилась о такой услуге. Стоя в душевой кабинке и обливаясь потом, Борис мог говорить более-менее свободно, а Светлана – соответственно своим обстоятельствам. Но что можно было сказать? Обменяться ничего не значащими словами да договориться о дате приезда... Чувства Борис вкладывал в стихи:

... И в бывший храм с решетками на окнах
Без куполов, без веры, без креста,
Я, белым днем блуждая как в потемках,
С волнением вошел, к тебе идя.

Безликий неф и номерные кельи,
Где одиночество до духоты,
И певчие на клиросе не пели,
Лишь шелест ног – шум суеты.

И не перед чем преклонить колени:
Стена и гипс – святого нет.
От прошлого величия – ни тени,
И в алтаре размен монет.

Здесь нет тебя и быть не может.
Твой голос лишь услышал я,
И, может быть, он мне поможет
Не умереть к исходу дня...

Великий Новгород

На набережной

Храм Успения Богородицы на Успенском вражке в Москве рядом с Центральным телеграфом (советские годы)

Телефонный переговорный пункт в бывшем храме Успения Богородицы на Успенском вражке (советские годы)

Мысль о том, что Светлана тоже в него влюблена, даже не приходила Борису в голову. Это казалось невероятным. Кто он, и кто она! Как этой красивой, умной, эрудированной девушке, сотканной из одних совершенств, может чем-то понравиться такой никчемный человек, как он? Не спортсмен, не герой, а так... Рядовой технолог, без роду, без племени, без высокой зарплаты, без своей квартиры, без каких-то перспектив... Немыслимо! Семья Светланы отнеслась к появлению в их доме гостя из Московии сдержанно, хотя украин-

ские корни были только у мамы Светланы. «Познакомились на экскурсии? Бывает. А к нам тоже на экскурсию? В командировку? Ну, будем знакомы...»

* * *

Встреча с Борисом в Новгороде стала для Светланы роковой. К своим двадцати семи годам она уже состоялась как самостоятельный человек практически во всем. Стала хорошим специалистом, занимала достаточно высокую должность начальника отдела отраслевого вычислительного центра, имела очень приличную зарплату, которой ей вполне хватало на ее разносторонние интересы, увлечения и ежегодное удовлетворение неумемной жажды путешествий... Светлана имела полноту жизни, которая ее устраивала. Необъяснимая и сильная школьная любовь отличницы, председателя совета пионерской дружины к своему однокласснику, завязтому троечнику и нарушителю школьной дисциплины была уже на задворках памяти. Настойчивые предложения маминых подруг познакомить ее с очередным гарным хлопцем, готовым подвозить ее на личной машине каждый день до работы, вызывали только досаду и раздражение. Жизнь и так была насыщенной и интересной. Поспешные и неудачные замужества подруг только убеждали ее в предпочтительности сохранять свободу и независимость. Правда, Светлана иногда шутила, что годам к тридцати пяти она уже все объездит,

все увидит, все прочтает и тогда ей можно будет спокойно умереть. Но все-таки она была довольна своей жизнью.

Борис вошел в эту жизнь внезапно и сразу же разрушил все ее благополучие. В Новгороде они пробыли вместе четыре дня. Все это время он боялся даже взять ее за руку. Когда пошел дождь, ей пришлось самой ухватиться за него, чтобы не вымокнуть под проливным дождем. На третий день знакомства они до позднего вечера проговорили, сидя в скверике гостиницы на лавочке и глядя друг другу в глаза. Борис ни разу не коснулся даже ее руки. Только смотрел, рассказывал, слушал, иногда улыбался... Но когда Светлана вернулась в свой гостиничный номер и легла в постель, ее бил такой нервный озноб, что приходилось стискивать зубы, чтобы они не стучали. Никакая теплая одежда не помогала. Ее соседка по номеру сладко спала, а Светлана почти до самого утра не смогла сомкнуть глаз, плакала и убеждала себя: «Ну, зачем мне это надо? Что в нем такого?..» Но все было напрасно.

Вернувшись домой в свой теплый, солнечный град легендарного Кия из сурового северного Новгорода, Светлана неделю тайно от родных ревела по ночам от обреченности и безысходности: она влюбилась окончательно и бесповоротно, и с этим ничего уже нельзя было поделать. Оставалось писать письма и ждать. Ждать пришлось долго. Она предчувствовала, что с Борисом ей будет трудно и сложно, но никого, кроме него, для себя уже не мыслила.

В следующий раз они встретились только через шесть месяцев, в холодном ветренном феврале. Борис приехал в Киев, откликнувшись на ее завуалированное приглашение показать ему как любителю истории свой древний город. Борис поселился на субботу и воскресенье в ведомственной гостинице, в которой Светлане, с трудом и только по хорошему знакомству, удалось забронировать для него место в номере на четырех человек (таков был советский сервис «развитого социализма» для людей среднего достатка). Они встречались в городе, гуляли по заснеженным улицам и говорили без умолку, взахлеб. Вокруг было промозгло и холодно, мерзли руки в перчатках, ноги... Но душа... Душа Светланы не могла насытиться кратким счастьем встречи с любимым. Все внутри у нее пело, лицо светилось счастьем, и только мысль о том, что уже завтра вечером ей придется провожать его на вокзале, омрачала эту радость. И Светлана гнала ее, спеша насладиться радостью сегодня.

Почти полгода осторожной переписки, недомолвок, отвлеченных рассуждений о литературе и жизни, чтобы *он*, наконец, решился приехать. Ох уж эти мужчины!.. То не дают прохода на улице, нагло пристают в троллейбусе, лезут с навязчивыми предложениями познакомиться... А когда она сама ждет хоть какого-то намека на предложение встретиться с ней... Тогда у этого мужчины находится только неуверенность, нерешительность, сомнения, и кто его знает, что у него в голове и в душе, пока она вся истомилась от беско-

нечного ожидания. «О, злее зла зло это...»

Почему ей все время надо что-то от них терпеть? В институте она училась на вечернем отделении и потому все дни проводила на заводе, где работал ее отец. Сидя в инструменталке с книжкой в руках, она отбывала восьмичасовой рабочий день в цеху, где работали одни мужчины. Когда симпатичная семнадцатилетняя девушка выходила из своего убежища, ее со вкусом одетая фигура притягивала к себе взоры всех мужиков. Поэтому Светлана всегда выгадывала такое время, когда они разойдутся на обед, чтобы прошмыгнуть по цеху, не чувствуя на себе их голодных, вождедеющих глаз. Ну не ходить же ей на работу в балахоне из-за них... Эта пытка продолжалась два года, пока она не перешла на работу в вычислительный центр. Там стало легче. Народ поинтеллигентнее, да и женщин больше. Неудачные ухажеры утешались с другими, и она могла спокойно работать. Но теперь все изменилось ровно наоборот.

Правда, через полгода переписки Борис стал настолько смелым, что Светлана могла идти с ним рядом, держа его под руку. Без дождя и зонта. Этот прогресс, конечно, вдохновлял. Но сколько еще впереди должно быть таких больших шажков, чтобы ей не надо было скрывать от него свои чувства, свою любовь, свое желание быть всегда с ним, и только с ним, рядом, и никогда-никогда уже не разлучаться?.. Сколько, сколько?!

На следующий день отогнать мысль о скором расставании

для Светланы стало уже невозможным. Она крепилась, старалась улыбаться, но ожидание неминуемой разлуки тенью печали легло на ее лицо. «Сегодня вечером Боря войдет в вагон, а утром проснется в своей Москве. Всего ночь езды, но сколько еще ждать следующей встречи? И будет ли она?..»

На вокзале они простились по-дружески. Борис обещал скоро написать письмо. Они помахали друг другу рукой, и поезд скрылся из глаз, а с ним и ее радость и счастье... Теперь Светлане остались лишь печаль и ожидание. Ей стало даже жаль своей прошлой жизни, когда все было так хорошо и спокойно, когда не надо было никого ждать, когда можно было спокойно пойти в кино с подружкой или одной, изредка писать письма родственникам и знакомым... Ни томления, ни слез, ни ожидания. Зачем ей все это? Почему? Но теперь Светлана с удивлением убедилась на собственном опыте, что сердцу действительно не прикажешь...

* * *

Их отношения со Светланой выстраивались долго и сложно. Со временем его «командировки» в Киев стали регулярными. Светлана тоже иногда приезжала к нему в Москву, но чаще он. Однажды, расставаясь с ней в Киеве на вокзале, Борис дотянул прощание до последней минуты, когда проводница встала уже в дверях вагона и подняла подножку, готовясь давать отмашку машинисту. Борис долго молча смот-

рел Светлане в лицо. Ему показалось, что она что-то от него ждет. Вид ее был одновременно взволнованным и растерянным. Глаза беспокойные. Взгляд их перелетал от Бориса на вагон и обратно. Губы ее нервно подрагивали. Она теребила в руках носовой платок и повторяла: «Боря, что ты стоишь. Поезд сейчас отойдет. Ты опоздаешь...» И Борис, наконец, решился. Он внезапно взял в свои ладони ее лицо, быстро поцеловал в растерянные зовущие губы и прыгнул в свой вагон. Обернулся назад... А Светлана уже шла прочь с перрона...

«Обиделась?» По письмам было ничего не понять. В очередной раз Борис приехал в Киев в конце апреля. Город был весь в свежей зелени. Столько парков, как в Киеве, в душной и пыльной Москве никогда не было и теперь уже не будет. Но они со Светланой уехали гулять за город. Остановились на высоком берегу Днепра. Рядом резвилась сельская детвора. Борис постелил на траву свою куртку. Они сели рядом. Перед ними плюхнулось несколько мелких камешков. Борис встал и шуганул мелюзгу. Борис и Светлана помолчали. Он коснулся ладонью ее руки, плеча. Осторожно обнял, потянул к себе и почувствовал податливое, мягкое девичье тело, ее нежные губы. Нежные и отвечающие на его поцелуй... От этого можно было сойти с ума... Да возможно ли такое?.. Он положил ладонь на ее обнаженное колено. Она не воспротивилась. Это был молчаливый ответ на немой вопрос: да, я твоя...

Свадьба и переезд Светланы в Москву стал после этой встречи уже делом времени...

* * *

...Долгого времени. Впереди было еще два года переписки, редких свиданий на два, иногда три дня, которые вместе с короткой радостью встречи приносили и острую боль расставаний...

В разлуке жизнь воспоминанием, напряженным переживанием одной мысли, одного желания приводили к тому, что для Бориса реальность порою начинала размываться и терять свои четкие контуры. Временами ему казалось, что он все выдумал, что стоящий пред его мысленным взором образ Светланы – плод его мечты о близком родном человеке, который освободит его от лютого одиночества. Что одинокая тоска довела его до самообмана, до сна наяву, и на самом деле он никогда не встретит и не увидит ту, которую в своих мыслях зовет Светланой...

Но странно, когда такие сомнения накатывали на него, именно душевная боль едва обретенного и сразу же утраченного единства протрезвляла его и возвращала ему чувство реальности, в которой было достаточно дойти до железнодорожной кассы, купить билет на поезд и спустя ночь держать в руках свою воплощенную мечту. Реальную, из плоти и крови. Можно было взять ее за руку, обнять ладонями милое

лицо и целовать приоткрытые ждущие губы. Подхватить на руки и закружить по комнате...

* * *

Соединив свою жизнь с Борисом, Светлана, сама того не зная, вступила в борьбу, которую он вел вот уже много лет. Свет и мрак боролись в нем. В тонкой чуткой утренней дреме он иногда видел море, сверкающее в лучах невидимого солнца. Мягко горящая светом вода сияла, но не слепила. На берегу, на ее фоне, виднелась небольшая белая церковка, чуть скрытая тенью раннего утра. Неизъяснимая тихая радость согревала душу. Он готов был вечно созерцать эту картину, не уставая и не пресыщаясь... Но такое бывало редко. Тьма не отпускала его от себя и время от времени настигала своими наваждениями.

Долгими мучительными вечерами, страдая от разлуки и одиночества, чтобы не пугать Светлану своими тяжелыми думами в письмах, Борис делал редкие записи в дневник. «Ты отняла у меня мечту о смерти. Ты лишила меня желания умереть, уйти, исчезнуть. Я потерял тягу к печальному одиночеству. Все это ты забрала у меня, заменив собой. Все мое желание жить – в тебе. Вся моя любовь к жизни – в тебе. Все мое приятие мира – в тебе. У меня была цель – смерть. Все пути ведут к ней, и я не особенно выбирал. Теперь старой цели нет. А новая – жизнь – требует выбора пути, и я

не знаю и не вижу его. Но у меня есть ты». «Ты самая лучшая, самая хорошая. Но я проклят и обречен. Даже тебе я не верю». «Почему мысль о тебе вместе с радостью доставляет мне и страдание?» «Ты меня никогда до конца не понимала и теперь не понимаешь. Ну кто я для тебя? Беспомощный, неприспособленный к жизни чудак. Иногда милый, иногда невыносимый. Неприкаянный скиталец по жизни. Взрослый ребенок, которого любят, как щенка или котенка, и потеря которого будет, быть может, болезненной, но вполне переносимой. Ты же для меня всё. Больше у меня никого нет: ни друзей, ни родных. Потеряй я тебя, мне останется только одно: просить себе смерти».

Иногда он присылал ей из Москвы письма со странными стихами:

...Тяжелой поступью статуи командора
или нечувственным движением теней
вступала смерть. Неузнаваемо. Нескоро.
Мертвея мертвых всех и всех живых живею...

Без ужаса, без радости, без страха
я пребывал, мертвее всех живых,
в ее руках невидимого мрака,
в ее глазах – бездоннее твоих...

Я воскресал. Вернее, возвращался,
сознанием коснувшись до черты,

и узнавал свой путь, он продолжался,
на нем встречались снова я и ты.

В который раз: миг встречи и разлука.
Взахлеб вдохнуть – и снова в пустоту,
Прыжок глубокий в душасую муку,
Как в призывающую бездной черноту...

Муку и пустоту разрывали редкие встречи. Однажды Борис приехал к ней в Киев в неурочное время, без предупреждения. Купил на вокзале с рук у какого-то спортсмена билет на проходящий поезд, который привез его на вокзал в четыре часа утра. Борис полтора часа промаялся в зале ожидания, дожидаясь, пока начнут ходить автобусы, и поехал к Свете. Поднялся на лифте на восьмой этаж, вышел на лестничную площадку... А дальше что? Будить людей в выходной день в шесть утра? «Здрасьте». И услышать или прочесть в глазах недружелюбный ответ или даже вопрос? Он решил еще подождать часок-другой. Переминался с ноги на ногу на лестничной площадке, уныло подпирал стены и тосковал. Несколько раз подходил к двери, собираясь позвонить, но так и не решился. Наконец за заветной дверью послышалось какое-то движение, звякнул замок, дверь открылась и... из нее вышла Светлана. Она была в светлом зеленом платье, удивительно подходящем к ее стройной фигуре, и не сразу его заметила, совсем не ожидая увидеть здесь в это время. У Бориса даже перехватило дыхание при виде ее. Он незамет-

но подошел ближе. Она наконец увидела его, тихо ойкнула, прильнула к нему, обвив нежными руками шею, и прошептала едва слышно: «Как хорошо, что ты приехал...» А у самой подогнулись ноги... Борис удержал ее, и так они стояли, блаженно обнявшись, забыв о времени...

О, это краткое счастье быть вместе... Это блаженное мгновение соединения двух половинок одного тела, расщепленного когда-то чьей-то жестокой рукой. За что? Зачем? Услышав как-то миф об андрогине, Борис был поражен в самое сердце. Несмотря на весь свой воспитанный советской пропагандой атеизм и вбитый в его студенческую голову диалектический материализм, он сердцем чувствовал какую-то неясную правду в рассказе об этом странном, некогда едином и потому могущественном существе, которое завистливые боги Олимпа, испугавшись, разделили на мужчину и женщину и тем обрекли каждого на мучительные поиски ради восполнения своей утраченной полноты. Как трагична жизнь! Как много в ней страдания, душевной муки, которые подстерегают человека на каждом шагу... Если о них думать. Борис думал и страдал.

* * *

Светлана думала о счастье. Она видела, что Борис – человек со сложным характером, изуверившийся, сомневающийся. Она старалась исподволь убедить его, что любовь суще-

ствует, что она преобразует человека, его жизнь, отношение к миру и людям. . . Она хотела и боялась ему открыться. Природная сдержанность и скрытность, целомудрие и женское чутье подсказывали, что ей нельзя всего говорить Борису прямо, раскрывать себя всю без остатка, всю свою обреченную любовь к нему. Поэтому она только приводила в пример других женщин, любивших так же обреченно, как и она. Светлана часто вспоминала декабристку Александрину Муравьеву, молодую светскую красавицу, которая в возрасте двадцати двух лет ради любимого мужа отреклась от дворянства и всех прав и уехала за ним в Сибирь, оставив свекрови троих малолетних детей. Там в Сибири она стала ангелом хранителем для всех заключенных, похоронила родившуюся на поселении дочку, и сама умерла на двадцать восьмом году жизни. Ее любовь к мужу была так сильна, что она, будучи глубоко верующей, говорила, что мужа любит больше, чем Бога. Почему-то на последнем утверждении Светлана делала особое ударение, хотя Борис не замечал в ней какой-то религиозности.

Борис дивился слышанному, но в его представлении это было далеко от реальной жизни. Он даже не понимал, что, рассказывая ему эту историю женской любви, Светлана говорит о себе и своих чувствах к нему. В этой истории его больше всего волновало ее завершение. Он страшился того, что его счастье со Светланой, едва начавшись, внезапно оборвется. Страх оказаться опять одному, без Светланы, один

на один со своим страданием и тоской по утраченному, едва обретенному единству двух любящих сердец доводил его до изнеможения – худшая участь достается оставшемуся.

Светлана не вполне понимала Бориса и его чувства к ней, хотя почему-то считала, что видит его душу насквозь, как рентген. Она не позволяла себе думать, что Борис любит ее всецело и безраздельно. В каждой перемене его настроения ей виделся конец его любви. В каждой их ссоре – разрыв навсегда. Малейший разлад отношений, его раздражение, недовольство чем-то рушил карточный домик ее счастья, построенный из невидимой материи взаимной любви.

Несвадебное путешествие

У них даже свадебное путешествие было не как у всех. Потому что оно было предсвадебным. Когда они уже все решили и надо было идти в загс подавать заявление, Борис вдруг впал в тяжелое раздумье. Поскольку они хотели расписаться в Киеве, то с загсом все выясняла и договаривалась Светлана. Однако ее естественная организационная оживленность вызвала почему-то у Бориса тяжелое чувство несвободы, лишение его выбора. Он ничего не понимал, но чувствовал, что, если они сейчас пойдут в загс, он всю жизнь будет считать, что она женила его на себе, и их отношения будут навеки испорчены. Может быть, они даже разведутся. Он маялся, ходил по комнате ее киевской квартиры и молчал, не отвечая на расспросы.

Был теплый весенний вечер. Завтра они идут в загс. Или не идут? Он вышел на балкон, облокотился на перила. Внизу шумел и сверкал огнями проспект. Шли люди, бежали машины... Разве он сам не мечтал об этом? Разве не хотел быть с ней вместе всегда и всюду? Что же изменилось? Почему так тяжело на душе?

Светлана с тревогой заглядывала ему в лицо: «Боря, что с тобой?» Он долго молчал, маялся, не зная, как ей все объяснить, и наконец сказал: «Я боюсь тебя обмануть... Я не могу завтра пойти. Лучше в другой раз...»

Для Светланы это была катастрофа, которую Борис плохо понимал или не понимал вовсе. Проводы на вокзале были похожи на похороны. На перроне она подала ему большой пакет: «Это тебе. У тебя скоро день рождения. Потом посмотришь...» Борису было безумно жаль Светлану. Ему было больно на нее смотреть. Он чувствовал себя страшно виноватым перед ней, но как ее утешить сейчас, когда он сам своими руками все разрушил, Борис не знал. Они сухо простились. Борис сел в поезд, и Светлана сразу ушла.

Он стоял в коридоре купейного вагона, смотрел в окно на пробегающие за окном пейзажи, мысленно ругал себя, просил у нее прощения... Но знал, что по-другому поступить было нельзя. Жениться с таким чувством несвободы – значит обрекать обоих на скорый развод, а это еще хуже и неоправимее. Вот почему он сказал ей об обмане. «В другой раз...» Но когда и как теперь после такого расставания?..

Светлана думала, что между ними все кончено. Борис обманул ее, а она, глупая, верила ему, считала самым лучшим на свете... Да и сейчас считает. Только, видно, не судьба ей быть с ним вместе... А ведь какие письма писал! Как она ждала встреч с ним все эти годы, как млела и таяла в его ласковых руках... И что? «Я боюсь тебя обмануть...» – снова и снова вспоминала она его слова. А это что, не обман?! Зачем было писать стихи, рассуждать о будущей жизни вдвоем?.. Еще о детях спрашивал... Сама же его учила, что женщины любят ушами. Все признаний добивалась, чтоб сказал «люб-

лю», а не только чернилами на бумаге изъяснялся. Вот и научила на свою голову. Одни слова только и остались. Господи, да кому же тогда из них можно верить, если даже лучшие обманывают!..

Надо было на что-то решаться. Или – или. Но решиться было тяжело. Светлана раздумывала, с кем бы посоветоваться. Мамин ответ был ясен заранее: «Я тебе давно говорила: выбрось его из головы. Не пара он тебе...» Она только рада будет. С папой об этом говорить тоже бесполезно. И он не в восторге от выбора дочери. Подруги? Оксана выскочила замуж на первом курсе, лишь бы сбежать от властного отца. Убедила себя, что перевоспитает своего недалекого жениха, да ошиблась... Теперь жалеет. Нина выбрала мужа рационально, без сильных чувств, но и без глупых мечтаний. Поймут ли они Светлану, ее обреченную любовь к Борису, ее тоску и отчаяние?.. Может, Снегирева? Когда-то Светлана работала под ее началом. Она старше Светланы. Судьба у нее нелегкая. Сын умер еще маленьким. С мужем из-за этого развелась – что-то разладилось в отношениях... Тоже не идеальный вариант, но надо же хоть с кем-то поговорить!..

Светлана позвонила Снегиревой и приехала к ней в ее однокомнатную, со вкусом обставленную квартиру. Это была еще молодая, но многоопытная женщина. Ухоженная, уверенная в себе, умная, властная, но без самодурства. В свое время работать вместе с ней было интересно. Теперь они встретились как две подруги, сели за стол пить чай. Светла-

на коротко рассказала Татьяне свою беду, спросила, что ей теперь делать. Сама сидела, опустив голову, вяло шевелила ложку в чашке остывающего чая.

– Знаешь, Света, что я тебе скажу? – немного помолчав, начала Татьяна. – Не руби! Я вот в своей жизни уже дров наломала. Теперь жалею. Конечно, тяжело было. Митенька мой умер, но ведь Саша ни в чем не виноват был... Психанула, развелась, как будто этим сына вернешь... Мужиков у меня, ты знаешь, много потом было. Но семью второй раз так и не создала. Детей нет, живу одна. Вот и отвожу душу с племянницей. Лучше, что ли, чем своих-то растить?

– Но ведь Боря меня бросил, Таня... – понурым голосом возразила Светлана.

– Никуда он тебя не бросил, дурочка. Сама же говоришь, на вокзале жалкий стоял. Побегает месячишко по своей Москве и приедет. Куда он денется?! Ты посмотри на себя в зеркало! Красавица, умница! Я ж тебя знаю. Мало, что ль, вокруг тебя парней все время крутилось?.. Вернется твой Боря! – сказала она убежденно. – Все мужики помешаны на своей свободе, а сами без нас жить не могут. Знаешь, сколько у меня таких было? Бывало, дам сроку десять дней. Говорю, на одиннадцатый можешь не приходить – дверь не открою. И приходит как миленький. Хоть в последний день, и злитесь, но приходит. Такая нам сила дана! Только надо ею с умом распорядиться и горячку не пороть. Да вы еще сто раз поссоритесь и помиритесь. Что, у других не так, что ль?

– Хорошо, если б по-твоему вышло!.. Так мне на душе тяжело. Ты не представляешь!.. – пожаловалась Светлана. – Ждешь, надеешься, все спланируешь, подготовишь, а потом р-раз, и опять с нуля начинать...

– Все обойдется, вот увидишь. Если любишь и замуж за него хочешь, перетерпи!

Две путевки в Ленинград были Светланой уже давно заказаны. И она смирилась с тем, что Борис разрушил все ее планы и теперь придется ехать не в свадебное путешествие, а просто в отпуск, как двум чужим людям. От Бориса пришло письмо, в котором он пытался объяснить. Светлана ответила, что ждет его в назначенный день для поездки в Ленинград.

И вот через месяц, в начале лета, так и не расписавшись, они поехали вместе из Киева в Питер на многодневную экскурсию в обычной тогдашней тургруппе, в основном состоящей из сотрудников какого-то «почтового ящика» (закрытого военного завода). Светлана была с Борисом сдержанна, но дружелюбна, а его почему-то просто рапирало от счастья. Такой умопомрачительной влюбленности в нее он еще никогда не испытывал. Правда, город на Неве встретил их холодно, промозглыми дождями и какой-то общей неистребимой сыростью.

Но сейчас Борис ничего не замечал. Его несло. Счастье переполняло его до краев. Он не мог налюбоваться на свою девушку, и не истребленная революцией и войной архи-

текстура старого Петербурга и его пригородов была только непривычной и роскошной декорацией к пьесе, в которой Светлана играла единственную главную роль. А Борис просто был с ней рядом. Менялись мизансцены, передвигались статисты-прохожие, одно действие сменялось другим, а неизвестные публике главные герои, взявшись за руки, переходили из сцены в сцену по мокрым от дождя улицам и красноватым гаревым дорожкам парков... Сердце Бориса так расширилось от счастья, что вместе со Светланой оно легко и радостно вмещало в себя и весь окружающий мир, служивший оправой к единственной драгоценности его жизни.

А вмещать было что. Первоначально их тургруппу поселили в еще восстанавливаемом Федоровском городке Царского Села. Шел дождь. Было холодно, мокро. На территории городка лежали доски, строительный мусор. Обойдя по краю большую лужу, они вошли в полутемный корпус, где пахло свежеструганным некрашеным деревом – он перестраивался под обычную советскую гостиницу. Старшая группы стала распределять туристов по комнатам. Поначалу она намеревалась поселить Светлану и Бориса в один номер, приняв их за молодоженов, но, с удивлением узнав, что они не расписаны, в соответствии со строгими советскими законами отправила их в разные комнаты. Борис весело балагурил, что был бы не против общего номера. Светлана лишь смущенно улыбалась.

Федоровский городок. Ленинград

Петродворец. Ленинград

На следующий день их сводили в знаменитый пушкинский Лицей и Екатерининский дворец. Потом отвезли на экскурсию в город и через день переселили во фрейлинский корпус Петродворца, обустроенный под дешевую турбазу с удобствами студенческой общаги. Выданными им талонами можно было оплатить скверный обед в столовке на территории парка, прогулочную лодку на пруду, пин-понг и прочий немудреный советский сервис.

Живя в самом Петергофе, Борис и Светлана, конечно, побывали везде, где еще шла или уже закончилась реставрация. Послушали экскурсоводов, понаблюдали за служащими

ми петровских «шутих» – тихими мужичками, которые чинно сидят на лавочках с газетами в руках или скрываются среди кустов в неприметных будках и внезапно включают фонтанчики, встроенные в садовые скамьи или между камнями дорожек на радость простодушных туристов, с громкими женскими визгами разбегающихся от водяных струй в разные стороны...

За десять дней, в добавление к плановой экскурсионной программе, Борис и Светлана побывали почти во всех пригородных дворцовых ансамблях. Из Петергофа они сами ездили в Ленинград, где посетили музеи-квартиры Блока, Достоевского, Пушкина. Были в Исаакиевском соборе с неуместным маятником Фуко под его главным куполом. Поднялись и любовались захватывающей панорамой старого Петербурга, открывающейся с его смотровой площадки. Осмотрели Александро-Невскую лавру с ее старинным некрополем и некрополь Волковского кладбища – знаменитые Литераторские мостки с могилами Тургенева, Куприна, Блока. Видели Петропавловскую крепость с тонкой высокой иглой собора и низкими глухими казематами, в коридорах которых как живые стоят манекены-надсмотрщики, заглядывающие в окошки камер декабристов; заглянули в Музей истории религии и атеизма в бывшем Казанском соборе, с победными знаменами Отечественной войны 1812 года на внутренних стенах и с подвалами, в которых разместились камеры средневековой инквизиции, где посетителей встречали красноречивые ору-

дия пыток и судьи с закрытыми монашескими капюшонами лицами...

Ленинград предстал перед ними как столица могучей империи, ее западноевропейский фасад, скрывавший исконную русскую глубинку – Новгород, Псков, Суздаль, Владимир... Как город Петра, его эпохи мощного устремления в Европу навстречу ее техническому прогрессу и духовной деградации, принимаемой за просвещенность... Гоголевская птица-тройка занесла Русь на топкие берега Невы и Балтийского моря, где ради гостей из заморских стран, наперекор наводнениям и непогоде, расчертили и по голландскому образцу построили новый город дворцов, мостов и каналов...

Казанский собор. Ленинград

О, Петербург-Ленинград! Ты густой, как древнегреческое вино, концентрат русской истории и русской культуры! Как слиты, перебрадили в тебе их соки! Ты полон зримых образов и невидимых теней, созданных их добрыми и злыми гениями...

И Борис со Светланой ходили по этому городу, камни дворцов и домов которого, улицы, мосты, каналы и даже сам воздух были пропитаны прошлым, и славным, и печальным. И всюду Борис чувствовал рядом с собой присутствие Светланы. Она манила и притягивала его к себе, словно магнит железные опилки. И он не только был не в силах сопротивляться, как не может пыль противиться ветру, но и сам неудержимо стремился к ней, как перелетная птица к далекой родине. Ему хотелось обнять ее своими сильными нежными руками и целовать бесконечно долго, забыв все на свете... Иногда она соглашалась. Но поцелуй был быстрым и легким и только дразнил, и распалял его еще сильнее. А Светлана говорила ему оправдываясь:

– В своем городе я бы не стала. Там везде так много знакомых, а тут все чужие...

Борис был так намагничен ее постоянным притяжением, что временами ходил просто ошарашенный от обрушившегося на него счастья. Однако он не забыл и об оставшихся в Москве друзьях. Однажды вечером, гуляя со Светланой по

Невскому проспекту, он попросил у нее разрешения оставить ее на несколько минут, чтобы позвонить в Москву и поздравить с днем рождения жену своего студенческого друга. Пока Борис говорил из кабинки уличного телефона-автомата с Москвой, Светлана ждала его рядом с телефонной будкой. На том конце провода ему страшно обрадовались. Борис перекидывался со своей знакомой веселыми фразами, а сквозь стекло телефонной будки посматривал на ожидающую его Светлану. Она спокойно стояла и смотрела в другую сторону. Но когда он, радостный и оживленный, вышел, Светлана встретила его хмуро, была неразговорчива, на расспросы Бориса не отвечала.

Колоннада Казанского собора

Рядом красовался Казанский собор со знаменитым изогнутым портиком. Они прошли в сквер, отделявший его от Невского проспекта. Когда-то здесь у портика произошло решающее объяснение Блока и Менделеевой. В кармане юного Александра лежал револьвер, выстрелом которого он собирался покончить счеты с жизнью в случае отказа обоготворенной Прекрасной дамы стать его земной женой.

Гуляя со Светланой по скверу, Борис снова попытался разговорить ее, вернуть их отношениям прежний веселый и непринужденный тон. Когда он начал было оживленно рассуждать об их будущей жизни, Светлана вдруг оборвала его вопросом:

– А почему ты думаешь, что мы будем жить вместе? Может быть, я еще и не выйду за тебя замуж.

Борис осекся. Внутри у него все помертвело. Он стоял как оглушенный внезапным взрывом. Прежняя, уже позабытая тоска, черной точкой родившись в душе, густой тьмою стала опять заполнять ее все шире и шире, пока не заполнила всю без остатка. Был поздний вечер. Рядом шумел Невский проспект. Ходили какие-то люди. Сверкали огни. Но для него в этом сыром, холодном городе больше никогда не взойдет солнце. «Завтра» никогда не настанет. Его не будет. Оно бессмысленно, ненужно. Он смотрел на Светлану. Строгие глаза и сведенные брови контрастировали с мягким овалом ли-

ца. В легких сумерках светилось ее легкое бирюзовое платье, красиво обтекавшее крутые бедра и оставлявшее обнаженными белые руки и шею, которые минуту назад влекли его к себе, обещая взаимные негу и счастье... Но теперь что-то чужое, холодное появилось в ее облике. Лицо стало непроницаемым, как маска, каким оно было тогда в Новгороде, до их знакомства. «Может быть, я еще и не выйду за тебя...» – звучало у него в ушах, как эхо от выстрела в горном ущелье.

Он, как сомнамбула, вошел в портик собора и бессильно прислонился к колонне. Светлана встала рядом.

– Как же мы тогда будем жить? – тихо спросил он, не глядя на нее.

– Не знаю, – резко ответила Светлана.

Надежда на жизнь умерла. Говорить стало не о чем. Гулять бессмысленно. Надо было возвращаться в гостиницу. Они сели в электричку и поехали назад в Петродворец, чтобы там молча разойтись по своим гостиничным номерам до утра.

Вечером следующего дня по их личной программе они должны были идти в оперу на «Риголетто». Когда-то Императорский Мариинский театр, а ныне «имени С.М. Кирова» встретил их обычной суетой и шумом.

«Зачем я здесь?» – спрашивал себя Борис, глядя на стоящую перед зеркалом Светлану и других девушек, поправлявших прически, пока кавалеры терпеливо ожидали их в сторонке. «Светлане я безразличен, а до других нет дела мне.

Тогда зачем мне все это? Ради чего? Ради надежды на ее жалость?»

Борис покорно ходил за Светланой по фойе, пока звонок не позвал всех в зал. Они прошли на свои места на правом балконе. Наконец свет погас, поднялся занавес и действие началось...

«Смейся, паяц, над разбитой любовью...» Подлый герой-любовник, обманутая им, но преданная своему любимому девушка, решившаяся ценой своей жизни спасти его от смерти. Несчастный отец, мстящий за дочь светскому развратнику и по неведению сам убивающий ее... Эти трагедии слились с личной драмой Бориса, и потому все представление он сильно страдал. Для него это была самая мучительная и трагичная опера в мире. Иногда он украдкой взглядывал на напряженный профиль сидящей рядом Светланы. Лицо ее было строго и прекрасно. Знакомо и не знакомо. Рядом с ним была красивая, гордая, независимая девушка. Не чужая. Не своя... Разве не ее он любил, боготворил вот уже три года? Не ей посвятил свои самые проникновенные стихи, не ей писал рукой на бумаге и мысленно в уме бесчисленные письма? Не о ней думал каждый день, каждую минуту их мучительно долгих разлук? Разве вся жизнь до того страшного мгновения у Казанского собора была не их общей жизнью, а нежность – не их взаимной нежностью? Разве не ее он целовал еще вчера? А что теперь? «Смейся, паяц, над разбитой любовью...»

Когда они вышли на улицу, шел сильный дождь, было холодно. По улицам текли широкие ручьи. Ноги Светланы и платье промокли, потому что их единственный зонтик плохо прикрывал двоих и почему-то на этот раз не сближал. Она отказалась от его пиджака, и Борис сильно переживал за нее, боясь, что она простудится. С тупой болью в душе он смотрел, как она в тонком светлом платье, совсем не защищавшем ее от ветра и дождя, пыталась перепрыгивать через широкие лужи и быстрые ручьи, несущиеся вдоль тротуаров. Легкая, как светлое облачко в этом темном, сыром городе, окружившем ее промозглым мраком. Ни солнца, ни тепла. Только полутьма и холод... От невозможности взять под руку, обнять ставшую вдруг чужой Светлану, прикрыть ее собой от ветра и дождя и тем хоть как-то защитить от враждебной непогоды Борис испытывал мучительное бессилие. Это чувство смешалось в нем с тоской по утраченной радости взаимной любви, по погибшей надежде и постепенно перешло в омертвелое душевное оцепенение.

Они возвращались назад в электричке. Через какое-то время Светлана, поначалу отчужденно сидевшая рядом с Борисом, вдруг придвинулась к нему ближе, прижалась плечом и тихо прошептала:

- Прости меня, Боря. Я сказала тебе неправду.
- Почему? – спросил он мертвым голосом.
- Мне надо было тебе отомстить...
- Зачем? – задал он вопрос без всякого интереса.

– Иначе я не смогла бы тебя простить...

Борис промолчал. Когда они вышли из электрички, было поздно, но светло: Светлана привезла его в Ленинград на белые ночи. Дождь прекратился. Ветер разогнал тучи, и вокруг развиднелось. Они шли от станции к гостинице по мокрой растрескавшейся асфальтовой дорожке.

– Ты сам во всем виноват, – торопливо оправдывалась она. – Почему ты не пошел в загс? Я уже обо всем договорилась, чтобы мы не ждали три месяца, поскольку ты иногородний, а только один. Мне перед людьми неудобно...

– Я тебе уже все объяснил в письме, – обреченным безжизненным голосом ответил он ей.

Жизнь почему-то не хотела к нему возвращаться. Он двигался как бездушный робот. Внутри была пустота. «Вот так, любя, мы убиваем друг друга. Эх, Света, Света... Конечно, я тебя прощаю. Конечно, сам виноват... Но как мне теперь воскреснуть из этой смерти? О, злее зла зло это...»

Теперь по городу на Неве бродил лишь призрак прежнего Бориса – бездушный клон того, кто умер у Казанского собора, сраженный словом, которым душа, как сущность словесная, не только питается, но и убивается.

Он вяло ходил за Светланой по улицам и проспектам, по залам Эрмитажа и Русского музея. Переходил из зала в зал, как все смотрел по сторонам, но чувствовал себя гостем на чужом празднике. Светлана пыталась его растормошить: оживленно щебетала, хватала за руку, подводила к карти-

нам и экспонатам, что-то рассказывала... Борис делал вид, что заинтересован, но внутренне был безразличен. Душевное оцепенение не проходило. На Светлану он не сердился, но и прежнего восторга, тепла и нежности в душе уже не было. Казалось, что они никогда к нему не вернуться. Все осталось там, в скверике между двумя бронзовыми маршалами, где у колоннады Казанского собора смертельным выстрелом раздалась ее слова: «...не выйду за тебя...». Револьвер не понадобился. Душа сама помертвела, как усохшее дерево, и жизнь оставила Бориса. Светлана больше не манила его к себе с той непреодолимой силой, как еще совсем недавно. Древесная труха безразлична к магниту, мертвым нет дела до живых...

Светлана была удивлена и даже обеспокоена, хотя и умело скрывала это за оживленностью. Она не ожидала, что Борис так сильно переменится. Неужели она переборщила? Ходит как в воду опущенный. Вымученно улыбается, пытается показать веселость, а глаза как неживые, с прежней непонятной тоской... Когда она тогда ждала его у телефонной будки, ей вдруг стало так досадно, что вот Борис обменивается любезностями с чужой женой, в то время как она – обманутая невеста – должна ждать его возвращения как очередной милости. Опять подстраиваться под его настроение, его планы... То он не мог пойти в загс, теперь ему понадобилось срочно звонить в Москву и ради этого бросить ее одну на улице в чужом городе. Тоже мне кавалер! С одной гуляет по

Ленинграду, а мыслями с другой в Москве! У той свой муж есть, так нет же, еще и от чужого жениха поздравления подавай! А она-то опять уши развесила, поверила, что кроме нее Борису никого не надо...

Прежняя обида с новой силой пробудилась в душе Светланы, ожесточила ее сердце, и потому она встретила его так холодно и отчужденно и сказала те жестокие слова. А разве ей было не больно, когда он бросил ее, можно сказать, у порога загса и уехал, ничего не объяснив? Разве намерение расписаться было не их общим решением? Разве она не страдала все эти бесконечные дни до его приезда? Не мучилась от неизвестности? Это в Ленинграде он такой влюбленный, проходу не дает. А раньше, о чем думал? О своей свободе? Ну, вот пусть ее и получит...

Теперь же ей стало его жалко. Отомстив, она отошла душой, размякла, ожесточение сменилось нежностью: «Какой он все же у меня непутевый: и любит, и мучит – и меня, и себя. Будет когда-нибудь этому конец или нет?..»

Перед самым возвращением в Киев Светлана повела Бориса смотреть ночной город. Немножко подремав после ужина в гостинице, они вечером выехали из Петергофа в Ленинград смотреть белую ночь. Вначале они долго ждали начала развода мостов. Съемочная группа Ленинградского телевидения, снимавшая здесь сюжет для новостей, собрала вокруг себя довольно приличную толпу. Осветители примеряли и опробовали юпитеры, подсвечивающие темную громаду мо-

ста. Очень гордый собой и своей профессией телеоператор, ожидая начала съемки, с видимым удовольствием отвечал на вопросы любопытных о телекамере и способах ведения съемки.

Дождавшись, наконец, развода моста и посмотрев, как по невскому фарватеру между двумя задранными вверх половинами взломанного мостового полотна пошли тяжелые баржи и морские суда, Борис и Светлана отправились бродить по ночным улицам. С погодой им повезло: было светло как днем, тепло, сухо и даже не пасмурно. Вместе с дневным шумом и суетой город словно сбросил с себя все лишнее: снующую толпу людей, неповоротливый и медлительный общественный транспорт – звенящие и дребезжащие стеклами трамваи, гудящие электромоторами усатые троллейбусы, нутжно ревущие автобусы...

Ленинград стоял умытый вечерней свежестью, являя кристально ясную архитектуру бывшей столицы империи. На улице Росси Борису и Светлане встретила одинокая патрульная машина с четырьмя милиционерами. Она медленно ехала им навстречу, демонстрируя заботу об общественном порядке. Милиционеры в фуражках, пригибаясь, поглядывали по сторонам, рассматривая прохожих. Уже порядком устав, Борис и Светлана повернули обратно. Пройдя немного, за очередным углом дома, в переулке, они вдруг наткнулись на ту самую патрульную машину и остановились как вкопанные: у тротуара стоял припаркованный автомобиль

с мертвыми милиционерами. Все его пассажиры застыли в неудобных позах. Шофер лежал, повалившись грудью и головой на руль. Его сосед сидел рядом с откинутой назад головой, выставив вперед беззащитный острый кадык. На заднем сиденье виднелись неподвижные безвольные тела двух других. Светлана и Борис подошли ближе. Когда первый шок прошел, они разглядели, что кое-кто дышит, и тогда только они с облегчением вздохнули: служаки мирно спали на боевом посту самым банальным образом...

Постепенно, хотя и очень медленно, Борис ожил. Любовь и молодость взяли свое. Они вернулись в Киев, подали заявление в загс и купили два билета до Москвы. Ее мама была возмущена до предела, узнав, что Светлана едет с Борисом в Москву на несколько дней. Сообщение о поданном в загс заявлении вызвало у нее второй шок. Видимо, она надеялась, что ее частые вразумления дочери о незавидности такого жениха подействуют и свадьбы все же не будет. Ну что же, шок шоком вышибают...

Разведенный Дворцовый мост. Ленинград

Улица Зодчего Росси. Ленинград

Вместе

За время совместной жизни они, конечно, еще не раз ссорились и мирились, но судьба их была решена окончательно. «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь...» Это и про них тоже. Борис и Светлана, Россия и Украина... Кто тогда мог подумать, что Советский Союз распадется, «братские советские республики» разлучатся, вновь вспомнят про «хохлов» и «москалей»...

Борис любил Светлану страстно и чувственно, как давно изголодавшийся по теплу и ласке, одичавший от тоскливого одиночества человек. Прежде чем сделать Светлане предложение, он сомневался страшно. И в себе, и в ней. Боялся, что вдруг разлюбит ее через короткое время, сорвет с места, испортит ей жизнь...

Но еще больше он боялся ее измены. Она стала бы крахом всей его жизни. Светлана для него была всё. Вся его жизнь теперь заключалась в ней. Ни в этом мире, ни в каком другом ближе и дороже человека у него нет и не будет. Это он знал точно, потому что по природе был однолюб. Поэтому рассказы о женских изменах причиняли его душе почти физическую боль. Тем более что многое подтверждалось самой жизнью. Не раз у него на глазах разворачивались курортные романы. А иные готовы были начаться даже не в сезон прямо в поезде.

Поэтому, когда Борис и Светлана остались ненадолго одни после загса, его вдруг опять охватила такая тоска, что он отказался идти к гостям в ресторан за свадебный стол. Светлана была сама чуткость и нежность. Ни упреков, ни крика. Только любовь и ласка. И просьбы. Ради приличия. Ради родителей. Надо идти. Почему нет? Тогда Борис все ей сказал. Он сказал, что, если она ему изменит, он ее убьет. Она не возмутилась, не оскорбилась его недоверием. Только тихо успокаивала его и убеждала, что у них все будет хорошо и они будут жить долго и счастливо...

Свадьба состоялась. Кричали «горько!», целовались, говорили тосты, танцевали... Им надарили море цветов, как примадонне на бенефис. Когда они вернулись домой и разобрали букеты, то цветы стояли везде: в наполненной холодной водой ванной, в комнатах, на балконе...

На шумный, уставший от сутолоки и июльской жары Киев спустилась ночь. За окнами сверкал фонарями и еще шумел поздними машинами проспект. В квартире утомонились и затихли разместившиеся на ночлег родственники и гости. Борис со Светланой наконец остались одни. Им выделили просторную комнату. В ее углу рядом с телевизором в вазах и наполненных водой емкостях стояли розы: алые, бордовые, чайные, белые... Светлана пошла в душ. Борис ненадолго остался один. Уютно горел ночник рядом с широким, застеленным свежим бельем диваном. Когда-то, в его редкие приезды сюда, они украдкой целовались здесь, пока Светина

мама гремела кастрюлями на кухне и о чем-то говорила сама с собой...

Борис вспомнил, как долго и трудно складывались их отношения. Как после очередной размолвки, происшедшей на прогулке холодным октябрьским днем, Светлана сидела на этом диване, поджав под себя ноги и крутила головоломку – кубик Рубика, а он стоял в противоположном конце комнаты у залитого солнцем окна, украдкой поглядывал на нее, хотел и не знал, как помириться. Вечером этого дня его ждал поезд на Москву. Время текло томительно и бессмысленно. Они молчали, и каждый чего-то ждал от другого. Ему хотелось подойти, встать перед ней на колени, целовать ее озябшие ноги и согревать их своим дыханием, только бы прекратилась эта нескончаемая мука холодной неизвестности... Но он стоял, не шелохнувшись у окна и смотрел то на проспект, то на Светлану: на ее склоненное лицо, руки, крутую линию бедра в светло-зеленом платье, резко обрывавшемся четкой линией по обнаженным коленям... Смесь жалости, нежности и нерешительности будто приковали его к окну...

На пути к их счастью стояли не только расстояния, ссоры, непонимание... Жизнь приготовила для Бориса и более серьезное испытание. Дело в том, что, кроме уверения Бориса в своей любви с помощью литературных произведений и историй о декабристках, у Светланы была еще одна странная идея. Она часто повторяла Борису:

– Как жаль, что ты еще не был женат! Ты бы почувствовал

разницу в том, как к тебе относится та женщина и я.

– Ты что, хочешь, чтобы я сначала женился на другой, узнал ее чувства и развелся ради тебя? – спрашивал он с иронией.

– Нет, конечно, но, если б ты мог сравнить... – говорила она с сожалением.

Конечно, Борис жил не на необитаемом острове и волей-неволей сравнивал со Светланой тех девушек, которые были вокруг него. До определенного момента сравнение всегда было в ее пользу. Но вот, словно подслушав вздохи и сожаления Светланы, судьба свела его с Наташей.

Она работала в отделе, расположенном в другом корпусе их НИИ. До этого Борис видел ее несколько раз издали, мельком. Но как-то раз они оказались рядом на общем профсоюзном собрании, и Борис вдруг ощутил какое-то удивительное и необъяснимое очарование, исходившее от нее. Странно, но такое же изумление, почти шок, судя по разговорам на мужской скамейке, в присутствии Наташи пережил не он один. После первого переживания вторая встреча с Наташей даже слегка разочаровывала, хотя ощущение необычайного обаяния сохранилось. С одной стороны, было жаль его первой силы, а с другой – приходилось признать, что невозможно общаться с человеком в состоянии перманентного шока, как бы прекрасен он ни был.

Да, приятный шок проходил, первое впечатление сглаживалось, но оставалось чувство неизъяснимого обаяния и оча-

рования, которое не вызывало в душе ничего другого, кроме желания быть с нею рядом. Понять умом это состояние было невозможно. Наташа была мила лицом, но не более того. Невысокого роста, с обычной фигурой. Одетая всегда была очень скромно, даже слишком, во что-то серое, неброское... Когда Борис однажды по случаю каких-то торжеств увидел ее в синем строгом костюме, он почувствовал почти то же, что и в первый раз, и удивился, как одежда может усилить даже такое необъяснимое женское обаяние...

Они виделись редко. Когда встречались где-то на работе, говорили долго. Борис растекался мыслию по невидимому дереву. Наташа доброжелательно слушала. В ней не было ни желания угодить, ни показать свою осведомленность в теме... В ней не было ничего, кроме обаяния, какого-то особого покоя и... ожидания. В разговоре это воспринималось как внимание. А вне беседы, после нее, в промежутке до их следующей случайной встречи это было ожиданием... его решения, его выбора...

Она, как и все знакомые Бориса, конечно, ничего не знала о Светлане. Но для Бориса это был действительно выбор: или-или. Как-то весной своего последнего холостяцкого года Борис столкнулся с Наташей в дверях, направляясь в цех опытного производства. Стоял прекрасный теплый день. Свежую зелень во дворе заливало солнце. Цветущая вишня – московская сакура – была словно окутана розовой дымкой. Борис остановился на ступеньках. Наташа тоже. Он начал

обычный разговор об всем и ни о чем. Она слушала с легкой улыбкой, иногда делала короткие реплики, а он все говорил, говорил...

«А ведь она чего-то ждет, – подумал вдруг Борис, глядя на ее спокойное лицо. – Я ее задерживаю, да и сам стою здесь, а надо идти...» Через некоторое время он оборвал поток своих рассуждений, извинился и пошел в цех.

Как бы Борис ни был уверен, что он не представляет интереса для девушек, в том числе и для Наташи, разлитое в весеннем воздухе ожидание было столь явственно, что обмануться было нельзя. Да, сам того не желая, Борис оказался перед выбором. В Киеве его ждала и тосковала от разлуки Светлана, а здесь, в Москве, в его собственном НИИ чего-то ждала от него Наташа.

Мысль о Светлане выхватывала из памяти Бориса и мгновенно разворачивала пред ним всю историю их любви. Первая встреча. Настороженность недавно познакомившихся людей. Первое признание. Радость встречи после долгой разлуки. Ее счастливые глаза, мягкие губы, легкий аромат девичьего тела под ситцем летнего платья. Мечты о жизни вдвоем. Прогулки по киевским паркам и пыльным московским бульварам. Он помнил их поцелуи, их нежность, их любовь... И где-то на заднем плане, словно в тумане – ссоры, выяснения отношений... Целых три года жизни. Редкие и краткие встречи. Стихи. И письма, письма, письма... Борис понимал, что он обязан Светлане всем. Она вытащила его

из ямы смертной тоски, можно сказать, выходила, вынырнула, поставила на ноги, утвердила на земле, научила, любя ее, полюбить саму жизнь, примириться с ее бессмысленностью, обретя смысл в любви. Светлана взяла на себя и понесла нелегкие труды: терпела его извечные сомнения, уныние, вспышки гнева, обиды от него и на него... Для кого? Для другой? Он должен и действительно благодарен Светлане за то, что она не только дарит ему свою любовь и нежность, но и открыла осмысленность бытия, помогла ему найти самого себя, заблудившегося среди бела дня в лесу сомнений и безверия. Пусть еще не все ясно и понятно, но главное уже произошло: он не один в этом безрадостном мире. Светлана отвратила его замороженный взгляд от черной бездны, прозреваемой им сквозь яркие обманчивые краски на холсте жизни и обратила его взор на само полотно и его красоту...

Мысль о Наташе дарила воспоминание о ее обаянии, ощущение мира и покоя... И ставила перед неизбежностью опять пройти уже однажды пройденный путь... Ради чего? Разве его что-то не устраивает в Светлане? Или он чувствует, что не нужен ей? Наоборот. Когда они познакомились, он нуждался в ней больше, чем она в нем. Тогда ему, изуверившемуся и запутавшемуся в сомнениях, нравились ее решительность, рассудительность, сила, независимость... За эти годы он окреп. И теперь он видит, что она ищет в нем опору, нуждается в его помощи и поддержке. Теперь она зависит от него, и он не может ее обмануть. Это будет преда-

тельством, низостью, которых она не заслужила и которые он себе никогда не простит. Он и так слишком виноват перед Светланой. Столько она всего вытерпела за эти годы, столько раз его прощала, шла ему навстречу, переступая через себя, свою гордость. Временами он видел, что она идет ради него на нравственную жертву. Всё это знают только они двое... «Мы в ответе за тех, кто нас любит... – подумал Борис, вспомнив и чуть исправив Экзюпери. – Мы в ответе за своих любимых».

Борис чувствовал, что мог бы полюбить Наташу, если бы... это не было преступно с его стороны. Он даже боялся нечаянно влюбиться, стать навсегда пленником ее обаяния, ее тайны. И этим изменить Светлане и предать их любовь.

Наташа ждет его решения, его выбора. Она еще не любит его, он это видит. Она только ждет и готова ответить на его чувство, если оно возникнет в нем. В этом суть ее ожидания и надежды. Но ни к чему, кроме выбора, это его не обязывает. Только выбор. Между предательством любви одной и ожиданием любви другой. Если б он был свободен, если б выбор уже не был сделан, он не искал бы никого другого...

Да, даже таких однолюбов, как Борис, подстерегают в жизни серьезные искушения. Жизнь испытывает нас на совесть, а нашу любовь на честность. Правда всегда на стороне любви, но не влюбленности. Казалось бы, ничего не мешало Борису влюбиться в Наташу, закрутить роман, потерять голову, разыграть любовный треугольник, который так любят писа-

тели и режиссеры и в котором каждый по-своему якобы прав и уж точно все несчастны... Не мешало ничего, кроме совести и честности. Честности перед собой, перед Светланой, перед Наташей...

Борис, конечно, не думал о себе в столь высоких категориях. Ему было жаль огорчать Наташу, но он чувствовал себя обязанным перед другой. Поэтому он не избегал, но и не искал с Наташей встреч. И когда подошел день свадьбы, он поехал в Киев, не мучаясь сомнениями. Свой выбор он сделал три года назад и не изменил его.

И вот, наконец, все позади. Теперь все ясно и просто. Они со Светланой супруги, муж и жена... «Жена». Какое странное слово... Она для него навсегда Светлана, Светик, Свет... «Жена»... Что-то грубое, неласковое, чужое чудилось в этом слове Борису. «Это у других людей жены, а у меня Светлана», – думал он с нежностью.

* * *

Светлана вошла в комнату в тонком малиновом халате, с росинками воды в волосах и на щеках, со счастливой улыбкой и сияющими глазами. Как она счастлива!.. Кто бы только знал. Чего стоили ей эти три надрывных года переписки, редких встреч, выяснения отношений, борьбы, сомнений...

Несколько раз она пыталась освободиться от этой возникшей вдруг зависимости и несвободы. Ей было больно, обид-

но. Еще никто не говорил ей, что она некрасива, или глупа, или малообразованна. Так чего ему тогда было надо все это время? Мучил себя и ее, сам не зная зачем. Себе она тоже удивлялась. Ведь не шестнадцать же ей лет! Она не глупенькая влюбчивая девочка. Этот возраст уже позади. Тогда что же это? Судьба? Рок? Кто-то сказал, что браки совершаются на небесах. Может, и так. Но это чувство к Борису действительно сильнее ее. Она так долго билась с ним, так часто все было на грани разрыва, даже накануне свадьбы, когда пришлось отложить подачу заявления в загс и ехать в Ленинград не расписавшись, на смех всем людям... Все пришлось пережить, перетерпеть. И это с ее-то гордостью! Она боялась, что запуталась в этой борьбе и ей просто хочется победы над ним. Поэтому сегодня утром она ждала встречи с Борисом, готовая решительно отказаться от свадьбы, если при виде его сердце ее не отзовется нежностью и трепетом.

Счастье Бориса, что он этого не знал, когда ехал в поезде, когда брился, глядя в качающееся из стороны в сторону вагонное зеркало, когда ходил по базару, выбирая цветы для своей любимой и когда со смущенной улыбкой входил в дверь ее квартиры с букетом алых роз в руках, а Светлана стояла напротив в просторной прихожей и смотрела на него. Ее мама приветливо принимала гостей, распорядилась их вещами, размещая по углам и шкафам, а Светлана стояла у стены, смотрела и улыбалась, тоже немножко смущенно, но ласково. Экзамен состоялся. Сердце сказала Светлане, что

ей нужен именно Борис, а не победа над ним. Это она навек побеждена им, хотя он и не боролся за нее с другими претендентами, которые, словно специально для испытания ее чувства, вдруг опять явились в этот последний месяц перед уже назначенной свадьбой. Светлане было немножко смешно смотреть, как подтянутый стройный офицер из военного НИИ, зашедший по какому-то делу к ним в вычислительный центр, неуверенно переминался с ноги на ногу и мучительно искал повод поговорить с ней подольше и все не находил нужной темы. Потом он приходил еще раз, и еще, но робел и так и не решился пригласить ее на свидание. Впрочем, это и к лучшему, а то бы пришлось ему отказать и сделать больно. Но оттого, что Борис не боролся за нее, ни с этим симпатичным офицером, ни с другими мужчинами, о которых он тоже ничего не знал, а она сама выбрала его, Светлане было даже обидно. Не так уж она невзрачна и никому не нужна, чтобы самой вешаться Борису на шею. Но почему-то именно это и хотелось ей сделать: обнять, целовать его милое колющее лицо, растерянные, смущенные глаза, ласковые, нежные губы...

* * *

Борис ждал ее, сидя на диване. Светлана деловито ходила по комнате, что-то переставляла, убирала... Когда она наклонялась, свободный малиновый халат натягивался, обле-

гая ее фигуру.

– Света, – тихонько позвал он ее.

– Да, – отозвалась она с готовностью, поворачиваясь к нему.

– Разденься, пожалуйста.

– Давай выключим свет, – предложила она и застенчиво улыбнулась.

– Потом. Я хочу на тебя посмотреть. Пройди, пожалуйста, по комнате... Без халата...

Светлана была смущена его просьбой. В этот день и в эту ночь ей не хотелось ему ни в чем отказывать, но по природному целомудрию она стеснялась и не решалась вот так сразу обнажиться даже перед любимым человеком. Сквозь незашторенное окно было видно темное небо, далекие огни, откуда-то снизу поднимался желтоватый свет уличных фонарей... Там не было никого. Они одни. Она и он. Однако...

Уверенная и решительная на работе, гордая и независимая с другими, Светлана почему-то робела перед Борисом. Не могла долго выдержать его взгляда, а он так часто именно этим ее и донимал все эти годы. Смотрит, смотрит, не мигая, прямо в глаза и молчит. И думает. Что он думает про нее? Она всегда отводила глаза, начинала его тормошить, просила не молчать... А теперь ей оказаться пред ним во всей своей наготе да еще ходить по комнате... А если она ему не понравится? Конечно, они загорали и купались вместе в Днепре. На пляже фигуру не скроешь, но все же...

Борис понимал ее внутреннюю борьбу и не настаивал на своем уж слишком строго. Поэтому они нашли компромисс, и Светлана повеселела. Она пошуршала чем-то в темном углу с коробками, попросила его на секундочку отвернуться и закрыть глаза, и когда Борис, услышав звук ее приглушенных ковром шагов, наконец посмотрел в ее сторону, он замер в восхищении...

Она шла к нему легкой непринужденной походкой в белых свадебных босоножках на высоких каблуках, так красивших ее ноги. В полумраке комнаты, на фоне темного неба, подсвеченное мягким золотистым светом ночника, ее тело казалось сотворенным из сгустившегося светящегося воздуха и было самым совершенством, материализовавшимся идеалом женской красоты и очарования. Узкий белый треугольник охватывал ее округлые бедра, подчеркивая тонкую талию. Над упругим животом виднелись два ядрышка небольшой ладной груди, покачивающейся в такт ходьбе. А над мягким ровным контуром плеч на красивом лице сияла ее застенчивая улыбка. Пушистые темно-русые волосы окаймляли лоб и виски, а синие глаза смотрели на него нежно и ласково...

Светлана подошла довольно близко, легко развернулась и стала удаляться от него той же непринужденной, какой-то удивительно целомудренной походкой, в которой не было ни игривости, ни манерности, ни фальши... Да-да, в ней не было фальши. Именно естественность, какая-то истинность и

целомудрие человеческого естества так покоряли его в Светлане... «Красота спасет мир». Истина и красота!.. И вот эта истина и эта красота, которые он видит перед собой, уже спасли его от тоски, одиночества и неотступных мыслей о смерти, и он счастлив, что обрел, наконец, свою истину, свою Светлану...

Когда она, почти дойдя до окна, вновь обернулась к нему лицом и сделала несколько шагов, Борис метнулся ей навстречу. Они обнялись в середине комнаты. Всем своим мускулистым телом он почувствовал ее бесподобно нежную кожу, гладкую и теплую, как нагретый солнцем полированный мрамор, мягкую, как живой шелк, как то, чему нет сравнения. Его теплые ладони обхватили и ласково сжали ее тонкую талию, а горячие губы коснулись ее чуть холодноватых уст...

О, женщины! Вы делаете мужчин рабами вашей красоты. О, это сладкое рабство любви... В нее погружаешься, как в бездонный омут. Темнеет в глазах, помрачается ум и ты тонешь, тонешь в сладкой неге, барахтаешься, бьешься, борешься, как утопающий, обнимаешь руками упругую мягкую воду, захлебываешься нежностью, задерживаешь дыхание... Наконец, его перехватывает так, что начинаешь задыхаться и, кажется, что еще чуть, и ты умрешь от недостатка воздуха или перенапряжения сил и тогда твое бездыханное тело безвольно погрузится во мрак глубины и будет мерно колыхаться в такт слабому движению придонной воды и там

обретет последний покой...

* * *

Светлана переехала к Борису только через два месяца после свадьбы. Ради Бориса она оставила все: родной город, престижную работу, родителей, родственников, подруг... Чтобы оказаться в чужом, незнакомом городе, в чужой семье...

Через год у них родился Василек. Мама Бориса, как это часто бывает, увидела в Светлане молодую соперницу, отнявшую у нее единственного сына. Началась затяжная позиционная война с внутренним врагом. Бои в основном проходили у него за спиной, пока он был на работе. В его присутствии мать бросалась помогать Светлане, подчеркнуто заботилась о Васильке... Наедине Светлана иногда рассказывала Борису, как ей тяжело со свекровью, как та притворяется при нем и как враждебна к ней за его спиной... Борис пытался быть объективным: он защищал одну женщину перед другой, а потому ему доставалось от обеих.

Отец Бориса старался держаться в стороне от женских дразг, но, если Борис по-мужски просил его урезонить мать, тот раздражался, отвечал резко и оставался на стороне жены. В общем, большая семья быстро поделилась на две малых, и Борис со Светланой стали питаться отдельно от родителей, купили свой холодильник... Однако битва, в которой

не могло быть победителей, продолжалась по бытовым законам жанра, раздирая душу всем ее участникам.

Временами Борису казалось, что его распинают на кресте две любимых женщины, причем каждая вбивает в его раскинутые руки свой гвоздь. Одну женщину он любил по сыновнему долгу, а другую...

Первые несколько лет, когда он заставлял Светлану сидящей в их комнате на диванчике, он часто вставал перед ней на колени, крепко обнимал руками за бедра, утыкал лицо в ее обнаженные колени и надолго замирал. Она смеялась, пыталась осторожно освободиться и просила его встать, а он молчал и только сильнее прижимался лицом к ее ногам. Когда Светлана спрашивала, зачем он это делает, Борис отмалчивался. Однажды, уже лет через пять после свадьбы, он написал ей письмо, которое озаглавил коротко: «Тебе». На желтоватом нелинованном листке бумаги некрасивым мужским почерком было написано:

«Ты спрашиваешь, о чем я думаю, стоя на коленях и уткнувшись лицом в твои обнаженные ноги? О чем, о чем... Бог ты мой, да о чем же?..»

На щеках – прохладная нега твоей кожи, которую шершаво ласкают мои ресницы. Нет воздуху утонувшему в сладостном омуте нежной впадинки сомкнутых ног, но я прижимаюсь к ним и обнимаю, обнимаю все крепче и крепче... Дышу тобой. Жадно. Ненасытно. Как утопающий. Захлебываюсь и задыхаясь. Стараюсь вобрать в себя всю, всю без остат-

ка, и слиться навеки, иль на мгновение, в одно целое, раствориться и исчезнуть на последней, самой высокой ноте этого несбыточного блаженства...

В том мука моя и счастье: страдать от этого невыполнимого желания, испытывать наслаждение от его призрачного воплощения, пропадать без тебя, мутиться рассудком от первого после разлуки поцелуя, быть вместе и все же неслиянно поврозь и до сумасшествия бояться потерять, потерять навсегда, безнадежно и безвозвратно...

Целую, целую, целую... Горячечно и сумбурно в воспаленном воображении, страстно и нежно – наяву. Обнимаю, ласкаю и люблю, люблю безумно. Как пес. Как раб. Как господин. Валяясь в ногах и снисходительно улыбаясь. Иронизируя и глотая слезы. Раздражаясь и унижаясь. Упрекая и каюсь, каюсь, каюсь в неведомой вселенской вине и мелочной повседневности...

Я, верно, болен. Неизлечимо. Быть может, смертельно. Тобой, одной тобой. Твоей ласковой улыбкой. Взглядом нежным и лукавым. Слезой из чистых озерных глаз. Маленькой белой ладошкой... Всем твоим существом... Но лекарства не ищу и молюсь лишь о тебе...»

Да, чувства, чувства... Они поженились поздно. Обоим было под тридцать. Если не принимать всерьез «идеальную» влюбленность Бориса в детстве и юности, то до Светланы он по-настоящему никого не любил. У него даже никогда не бы-

ло своей девушки. Поэтому в минуты семейного мира и покоя он шутя говорил Светлане:

– Ты должна мне все прощать. Я ждал тебя двадцать пять лет. Долгих двадцать пять лет одиночного заключения...

– Что, прямо с раннего детства? – иронизировала Светлана улыбаясь.

– С рождения, – серьезно отвечал он.

А прощать было что. Поручик Порох из знаменитого романа Федора Михайловича³ по сравнению с Борисом был бочонком отсырелого серого порошка, который погубил русскую эскадру в Цусимском проливе. Зато Борис взрывался часто и мощно. Светлана, конечно, была женщиной не робкого десятка, с твердым решительным характером. В некотором смысле кремень. Так что искры между ними летали часто и густо. Борис в гневе бывал грозен, распаляясь до ярости. Светлана была умнее, терпеливее, хотя тоже иногда не выдерживала и могла грохнуть об стол стеклянную банку так, что стекло мелкими брызгами пролетало, «как пули у виска» Бориса. Казалось, что после такой бурной ссоры все доброе, хрупкое, нежное в их душах должно быть выжжено огнем взаимной неприязни, дошедшей до открытой ненависти. И выжженная земля души уже не сможет родить ничего похожего на нежность...

Однако загадочна человеческая душа. Любовь почему-то сменяется ненавистью, а ненависть – любовью. И то, и другое

³ Достоевский Ф. М. «Преступление и наказание». Глава 3

уживается в одном сердце. Широ́ко, слишком широко человеческое сердце... Через некоторое время после ссоры Борис почти всегда извинялся и признавал свою вину. Светлана брала его своей слабостью. Осознанно или неосознанно, но от ссоры у нее развивалось какое-то недомогание... Борису становилось ее жалко, и он иногда, правда без искреннего душевного раскаяния, извинялся перед ней, стараясь поскорее вернуть мир в их отношения. Лишь бы у нее перестала болеть голова. Если она лежала на диване, он становился рядом на колени, брал в свои ладони ее руку и целовал, целовал и шептал свои извинения и просьбы простить, а она в ответ сердито молчала с каменным лицом. Часто в покаянное чувство она приводила его разумными доводами. Увидев ситуацию ее глазами, он стихал, начинал стыдиться собственного эгоизма и просил у нее прощения. Но ведь прошлого не изменишь, сказанного не вернешь. «В гневе правды не сотворишь»...

Сердечное устремление Бориса к полноте бытия, некогда утраченного человечеством вследствие разделения полов, овеществлялось для него в их близости со Светланой. Взаимное притяжение двух любящих сердец продолжалось в попытке соединения тел, остававшихся все так же отдельными и неслиянными. Жар сердец постепенно разогревал их, и нарастающая мука никак не преодолеваемой расколотоности их совместно-раздельного сосуществования на своем едва выносимом пике разрешалась наконец кратким мигом

блаженства, который дарил им чувство единения, ощущение разрушенного средостения телесных оболочек, отделяющих одну любящую душу от другой. Трепетная до боязни нежность и взаимная благодарность друг другу за пережитый миг единства продлевали его на какое-то время, пока они, уставшие от нежности и ласки не погружались в сон, в котором исчезали и растворялись все мысли и чувства...

Но на следующий день казавшееся накануне нерушимым достигнутое наконец единство распалось от неосторожного слова, показавшегося обидным тона, несогласия одного с желанием или мнением другого, что приводило их отношения к катастрофе. Память о пережитом блаженстве единения и полнейшей взаимной гармонии всех личных устремлений двоих делали любой их разлад резким и глубоким, как пропасть, как изгнание из рая сладости в ад разделения и противоборства двух волей в одном теле.

Каждый чувствовал себя обманутым и был оскорблен этим обманом до сокровеннейших глубин сердца. Светлана обижалась на Бориса, упрекала его в лицемерной любви, в которой-де не было к ней никакого другого чувства, кроме плотского. Борис же был одновременно и смущен, и раздрадован. Он не понимал своей повышенной раздражительности, корил себя за нее и в то же время досадовал на обидчивость Светланы, на ее по видимости справедливые, но по сути ложные упреки, потому что знал и чувствовал в себе не только телесное, но и глубинное влечение всего своего

существа к ней как к олицетворенному восполнению остро ощущаемой им ущербности своего отдельного бытия. И эта внешняя справедливость упреков ему, и глубинная неправда ее жестоких обвинений еще больше раздирали его душу и отдаляли обоих от примирения.

Так повторялось раз за разом. Светлана даже стала избегать близости, как наученный горьким опытом человек избегает лучшего – врага хорошего. Подчеркнуто нейтральные отношения и холодный мир с Борисом она считала за большее благо, чем острая взаимная обида, которой приходилось платить за миг блаженства. Враждебную холодность и отчужденность Светланы Борис еще мог переносить днем, но ночью они превращались для него в бесконечную бессонную пытку. Жилищные условия не позволяли им такую роскошь, как отдельный сон. Несмотря ни на какие ссоры, они были просто обречены спать в одной постели. И потому душевная отстраненность Светланы, и близость ее тела изводили Бориса, так что он действительно забывал обо всем высоком и только весь горел от вожделения, толкавшего его на бессмысленные и обреченные на провал попытки близости.

Однако Светлана любила Бориса и, как бы ни была сердита на него, как бы ни желала отомстить за обиду, сама тяготилась холодностью и отчуждением, а потому прощала его, и взаимность чувства и влечения друг к другу возвращались, чтобы опять подвергнуть испытанию их отношения... «О, злее зла это!..»

Новые разлуки

Жизнь Светланы и Бориса, однажды начавшись встречами и расставаниями, так уже и продолжалась. Имея родных в разных городах и не имея денег на семейный отдых, они были обречены на ежегодные разлуки. Пока сын был маленьким и Светлана была в отпуске по уходу, каждый год она уезжала с ним на все лето к своим в Киев, а Борис оставался один в Москве ждать, пока не подходил его очередной отпуск, и тогда он приезжал к ним. Говорят, что отдых – это смена обстановки и новые впечатления. И действительно, летом московскую «коммуналку» с его родителями они меняли на киевскую «коммуналку» с ее родителями. Правда, впечатления от общения с родственниками были очень похожи с той только разницей, что в Киеве они со Светланой менялись местами и там между родными и супругом разрывалась она.

Пока Борис ждал своего отпуска, он оставался один в полупустой квартире. Одиночество, существование в урезанном виде, без лучшей части своего существа, больше походило на затянувшуюся агонию, чем на жизнь. Борис тосковал, сочинял печальные стихи и длинные грустные письма. И жил воспоминаниями...

«Я смотрю на твои фотографии, – писал он ей, – точнее, на те, где есть ты, и вижу только тебя, тебя одну. На тех, где

мы уже вместе (хотя меня и нет в кадре), – ты такая родная и знакомая, а там, где ты еще «до меня»... я не могу преодолеть незримый барьер между нами... там ты другая, чужая... У тебя удивительный разрез глаз, не славянский, но чарующе прекрасный.

А какой счастливой ты была в день свадьбы!.. каким волшебством до сих пор веет от тех фотографий. Я смотрю, смотрю, смотрю...

Позвонить тебе? Попросить, чтобы ты сказала мне: “Я тебя люблю”? Услышать твой нежный голос? Быть может, он спасет меня... Только твоя любовь привязывает меня к этому миру, только ты... Мне страшно потерять тебя, я не мыслю себя без тебя, и сейчас в разлуке я сам не свой, не нахожу себе места... Что это за странный мир, где надо надрезать целое, чтобы вновь ощутить боль, и где непременно надо так делать?! Чувства, которые испытываешь в разлуке, – это живая вода, воскрешающая в первоизданном виде то, что неприемлемо умерщвляет быт со всеми своими неурядицами...

Мне плохо без тебя. Я тоскую. Я люблю...»

Как-то раз он встречал ее на вокзале в Москве. Пока они не поженились, Светлана очень редко приезжала к Борису, чаще он к ней. Но в тот раз была ее очередь. Поезд приходил рано. Платформу и железнодорожные пути покрывал молочный туман. Было удивительно тихо и пустынно. Как будто это был не столичный вокзал, куда ежедневно приезжают тысячи людей, а уединенное место встречи двух влюбленных. Репродуктор казенным женским голосом объявил о прибытии поезда. Борис вышел на платформу и медленно пошел сквозь туман навстречу еще невидимому составу. Он

был один. Перед ним пустая платформа. Туман. И ожидание встречи с любимой. Все было как в кино. Борис был уверен, что в жизни так не бывает. Для съемок можно организовать что угодно. Но здесь, в реальной жизни многомиллионной Москвы, на людном вокзале оказаться в одиночестве было невероятно... И необходимо. Сейчас в этом мире для него не существовал никто, кроме нее. Только он и она. Она и он. И туман, который, разделяя, соединял их белесой дымкой. По ту сторону дымки в душном купе медленно ползущего по привокзальным путям поезда томилась от ожидания она. По эту сторону, на платформе, один на один с туманом и мыслями о ней ждал ее он. «О, светло светлая и красно украшенная земля Русская... Словно о тебе, свет мой Светлана, писал древнерусский летописец. Как радуется добрый муж встрече с любимой, так радуется переписчик окончанию работы над книгой. Так радуется и моя душа встрече с тобой. Подходит к концу писание нескончаемого письма разлуки, чтобы говорить мне с тобой не чернилами, а лицом к лицу и устами к устам. Радуйся, светло светлая Светлана моя...»

Глава 3

Вера

Рече безумен в сердцы своем: несть Бог ⁴.
Пс. 13: 1

*Веровати же подобает приходящему к Богу, яко
есть, и взыскающим Его мздовоздатель бывает ⁵.*
Евр. 11: 6

Борис был бесконечно благодарен Светлане за разорванный круг своего одиночества, за любовь, нежность и тепло. Она была удивительным человеком, словно созданным именно для него. Наверное, только она могла терпеть все его недостатки, душевные метания, поиски, разочарования...

Когда они познакомились, Борис считал, что любовь двоих, это восполнение до полноты единства ущербного одиночества каждого человека, и есть предел человеческого счастья. Но довольно скоро после свадьбы он стал замечать, что этого мало. Да, они теперь вместе идут по жизненному пути, и это делает их сильнее, потому что каждый поддерживает другого, когда тому плохо и тяжело. Но надо же знать цель!

⁴ Ц.-сл. В синод. пер.: «Сказал безумец в сердце своем: нет Бога».

⁵ В синод. пер.: «Надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздает».

Куда им идти? И зачем? Чему учить сына? Как отвечать на его вопросы о жизни? Призрак мармеладовской безысходной мудрости опять встал перед ним.

«Казалось бы, как прекрасна жизнь, – думал иногда Борис. – Ну все есть: работа, друзья, любимая, которая любит меня, чудака неприкаянного, и чему я поверить до сих пор не могу, а если верю, то не понимаю за что, почему, как так случилось. Сын растет... Но все равно не хватает чего-то, а чего – не знаю! И такая безнадежность во всем... Нет исхода. Нету, нету. Не нащупать, не наткнуться на него...»

Первое время после переезда Светланы в Москву она старалась как можно больше говорить с ним: о своих поездках и впечатлениях от экскурсий, о кино, литературе, живописи, о своих родственниках, о своем детстве, о моде, погоде... Молчание пугало ее. Ей казалось, что в безмолвии их взаимное чувство охладевает и ему грозит исчезновение. А Бориса утомляло ее стремление говорить обо всем, что попало на глаза на прогулке, что вдруг вспомнилось... Гуляя вместе с ней в парке, он брал ее за руку и мягко просил: «Света, нам хорошо вдвоем. Мы наконец вместе. Давай просто помолчим...» Она умолкала, но ненадолго.

Как-то Борис не выдержал ее щебетания и повторяющихся воспоминаний и с мукой в голосе, словно внутренне морщась от боли, попросил: «Не говори со мной на бытовые темы...» Это не было снобизмом или нарочитым подражанием Блоку, хотя Борис и был очень восприимчив к прочитан-

ному. В тот момент его просьба была следствием непреодолимой внутренней муки, безуспешных усилий освободиться от страдания и найти ответ на вопрос, который заведомо не имел для него положительного решения. Он искал истину и справедливость и не находил их в окружающем мире.

В отличие от булгаковского Иешуа Га-Ноцри, Борис не верил, что царство истины когда-либо настанет. Оно никогда не наступит, потому что человек боится своих страданий и смерти и посылает на них другого вместо себя. И зло это вечно и бесконечно. И смерть Христа была бесполезна, потому что Он умер на кресте, а мир не изменился. И вокруг и всюду осталось то же «царство кесаря», царство жестокости и несправедливости, и нет ему конца... «О, злее зла зло это!»

Откуда все взялось?

Когда-то в раннем, еще детсадовском детстве Борька озадачил мать вопросом:

– Мама, а откуда мы все взялись?

– Я родила тебя, Боренька, а меня моя мама, твоя бабушка, а бабушку ее мама... Так и все люди на Земле рождались.

– А самые первые люди откуда взялись?

– Они постепенно из обезьян образовались.

– А обезьяны откуда?

– Тоже из каких-то других животных.

– А эти животные откуда?

– Они из неживой природы в процессе эволюции материи на Земле.

– А Земля откуда взялась? – не унимался Борька.

– Земля вместе с Солнечной системой образовалась в космосе... Из космического вещества, что ли, – неуверенно пересказывала ему мать услышанное когда-то в деревенской школе, а может, от мужа или на коммунальной кухне. – Наша Земля и другие планеты вращаются в этом космосе вокруг Солнца...

То было время космического бума. В космос улетали один за другим советские космонавты – Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Быковский, Терешкова... В полунищей стране, еще недавно пережившей страшную войну, царила эйфория

от достижений советской науки и техники. Все рассуждали о полетах в околоземном пространстве, о Вселенной... Космонавты были героями высочайшего разряда, с которыми не мог сравниться никто другой, не летавший в космос...

Борька представлял его себе как огромную черную бездну со светлячками звезд и шарами планет, которые крутились вокруг Солнца.

– А космос этот, в котором Земля наша и Солнце, он откуда взялся? – настаивал Борька.

Но на этом познания матери закончились, и она в недоумении проговорила:

– Это уж я не знаю, Боря. Спроси у папы.

Отец сказал Борьке, что космос ниоткуда не взялся, а был всегда, то есть вечно, и сам он бесконечен. Но что это значит – объяснить не смог. А может, Борька не понял. Но ему очень хотелось докопаться до начала всего. Представление о бесконечности, как ни странно, у Борьки было. Он ее видел своими глазами на картонной коробке с кукурузными хлопьями. Там была изображена девочка, играющая с собачкой. В поднятой руке она держала такую же коробку, на которой была изображена та же девочка и та же собачка. И та девочка тоже держала коробку с нарисованной девочкой и собачкой... Картинки все уменьшались и уменьшались, пока на них уже ничего нельзя было разобрать, но было понятно, что конца им нет. Борька много раз в недоумении разглядывал такие коробки. Он пытался представить себе, как долго может про-

должаться этот ряд одинаковых пропорционально уменьшающихся рисунков, и от невозможности его закончить Борьке становилось жутко, он поспешно отворачивался и уходил к своим игрушкам.

Если черный космос так же бесконечен, то ему нет конца, и его тьма простирается куда-то далеко-далеко. Но должен же он откуда-то взяться, как ряд картинок начинается с первого рисунка на этой коробке. Кто-то же его нарисовал...

В то время споров про Бога в их семье Борис не помнил, но, видимо, ему все же говорили, что Бога нет и космонавты «на небе» Его не видели. Потому что, когда однажды маленький Борька в доме бабушки обратил внимание на темный лик Спасителя в «красном углу», то неожиданно для всех показал на Него пальцем и радостно крикнул:

– А говорили, что Бога нет. Вот Он, Бог-то...

Бабушка довольно закивала головой, вероятно, видя в этом подтверждение слов о том, что устами младенцев глаголет истина. Партийный отец смущенно улыбался, как бы говоря этим: что, мол, взять с несмышленища, все дети верят в сказки...

Общее воспитание Бориса было советским, то есть атеистическим. В детском саду у них, кроме забавной рыжей белки в большой клетке, бешено вращавшей свое колесо, и аквариума с рыбками, на видном месте висел большой портрет лысого дяди с маленькой бородкой и серьезными глазами, устремленными в светлое будущее человечества. Они учили

стихи про Красную площадь и дедушку Ленина с портрета. В его школе, как и везде, стоял стандартный, под белый мрамор, гальванический бюст вождя с перьевой ручкой в руке, застывшей на листе невидимой бумаги. Все ученики были «верными ленинцами». Младшие носили красные октябрятские звезды с пухлым детским личиком вождя, обрамленным длинными вьющимися волосами, разбивались на «звездочки», которые соревновались в успеваемости, сборе макулатуры и прочих добрых делах. Средние, пионеры, носили галстуки цвета алой крови рабочего класса, к борьбе за дело которого они были «всегда готовы». Профиль вождя на их краснозвездных значках почему-то был охвачен языками пламени. Старшие, даже двоечники, были сплошь комсомольцами. На их знаменах и значках был тот же вездесущий ленинский профиль... До Бога ли тут было! Учителя формировали у них научный взгляд на мир так мощно и всесторонне, что дети выходили из школы в полном убеждении, что все тайны мира им уже открыты, а потому «бог» является излишней гипотезой, в которой научное мировоззрение для объяснения окружающей действительности не нуждается...

Странный атеист

Борис был не обычным атеистом. В его спорах с верующими был какой-то внутренний надрыв, словно он возражал не их доводам, а высказывал собственные сомнения, приводил свои причины невозможности принять их истину. От этого он горячился, говорил нервно, раздраженно и тем обижал собеседников. Однажды на дне рождения в компании друзей он набросился на единственную фразу скромной девушки, осмелившейся сослаться на мнение каких-то ученых о достоверности приводимых в Библии фактов. Борис гневно вывалил на нее все «несообразности», «ошибки», «подмены» и «подтасовки» Библии, о которых вычитал в атеистических изданиях, свято веря их авторам и приводимым ими аргументам. Девушка молча выслушала его, а потом незаметно ушла. Когда Борис обнаружил ее отсутствие, то был озадачен и смущен чувством вины перед ней. Он спросил ее подружку о причинах ухода: может быть, она обиделась на его резкость или ей просто было пора домой? И был очень удивлен, когда узнал, что девушка верующая и восприняла его слова как богохульство, а не как личную обиду. «Вроде молодая, интеллигентная, с высшим образованием... И верующая!...» – дивился Борис.

Тогда Борис еще не предполагал, что Кто-то премудро ведет его по жизни, расставляя на его пути вехи и знаки, кото-

рые он не видел, не замечал, принимал за случайные, ничего не значащие совпадения, а понял и осознал гораздо позднее, да и то, наверное, не все, но лишь то, что ему открылось...

АЛЕКСАНДРЪ

Кирилловская церковь, XII век. Киев.

Вид на ктиторскую композицию и на изображения святых над нею

Считая себя атеистом, Борис в то же время неприметно для себя тянулся ко всему, что было связано с христианством. На всех прогулках по Москве и на экскурсиях в других городах его больше всего интересовали храмы, хотя и как памятники истории и культуры. Правда, в действующие он заходил очень редко и ненадолго. Его пугал их полумрак и какой-то особый запах, почему-то напоминавший о смерти. В храмах-музеях он с интересом рассматривал росписи, мозаики, пытаясь запомнить евангельские сюжеты, притчи, потому что прочесть само Евангелие было негде.

Кирилловская церковь, XII век. Киев.

Вид на ктиторскую композицию и на изображения святых над нею. Схема

Еще до встречи со Светланой Борис пару раз приезжал в Киев, знакомился с городом, ходил на Владимирскую горку с сохранившимся фундаментом древней Десятинной церкви, построенной когда-то Крестителем Руси, видел Золотые ворота, бывал в Софийском соборе, спускался в пещеры Киево-Печерской лавры (на тот момент музея), заходил во Владимирский собор (действующий уже тогда)...

В поисках других достопримечательностей он как-то забрел в музей «Кирилловская церковь» – памятник архитектуры двенадцатого века, как гласил о ней путеводитель. Когда он вошел туда, его встретила и до конца экскурсии сопровождала льющаяся из динамиков музыка. На Бориса, благоговевшего перед древней русской историей, храм произвел сильное впечатление живой памятью веков. На его стенах виднелись сохранившиеся фрески двенадцатого века, поздняя роспись девятнадцатого, иконостас работы М. Врубеля... Он долго ходил, разглядывая на стенах изображения, полустертые от времени и множества поновлений и реставраций, пока в одном месте не наткнулся на неясную фигуру, нимб которой был лишь прочерчен когда-то по сырой штукатурке и теперь остался совсем без красок.

Борис стоял и напряженно вглядывался в то место, где ко-

гда-то была полноценная фреска неизвестного ему святого, а теперь он лишь угадывал контуры и видел остатки сохранившихся красок... Словно из толщи веков проступал на древней стене чей-то лик, завораживая, приковывая к себе его внимание, призывая его куда-то, как звала и продолжающая звучать музыка – неизвестная, проникновенная...

Невзрачное неправильное пятно под узким зарешеченным окном в толстой стене храма...

Справа внизу – плечо в голубом и рука, простертая к святому. Слева чья-то обращенная к нему голова... Только контур по штукатурке. Без красок. В нимбе угадывается голова. Пятно лика в контуре темно-коричневых волос. Складки на лбу, переносица, левая бровь, прямой нос, чуть краснеющие губы, борода...

Стали видны зеленый карниз здания, когда-то темный, синий фон фрески. Царапины, трещинки. Следы отвалившегося левкаса. Темный контур вокруг желтовато-бурого нимба. Три черных кружка по сторонам от лица. Его овал, подбородок, губы, нос, тонкие ноздри, брови... Г л а з. Распахнутый настезь, открытый, честный, искренний. Провидящий глубь и суть. И рядом едва угадываемый другой. В з г л я д. Из немыслимого далека. Словно проступивший на древней стене под узким зарешеченным окном. В з г л я д. Оттуда – сюда. На меня и мое. И туда, за меня, на моих будущих потомков. На них и на их. На наше. В будущее. Сквозь годы и дни, через восемь веков. Через эпохи, пожары, войны, раз-

рушения...

Он помнит древность. Походы половцев, уособицы князей, Батыея. Раскосые хищные глаза под мохнатыми шапками. Помнит ляхов и литовцев. Помнит Врубеля и Прахова. И новую Орду, испепелившую Русь, – фашизм. Бабий Яр, газовые камеры, печи крематориев... Он видит нас сейчас: экскурсии, туристов, зевак, реставраторов, ученых. Он видит их, наших потомков. Какие они, кто? Он видит и помнит всё вот уже восемьсот лет. Хотя и краски стерлись, и штукатурка осыпалась. Но глаза остались. Остался взгляд. Оттуда – сюда, на нас. И туда, на них, в будущее...

Борис стоял, смотрел, думал... К нему подошла группа туристов с экскурсоводом, женщиной средних лет, которая на ходу профессионально полуразвернулась к своим ведомым так, чтобы одновременно видеть их и иметь возможность указывать, куда и на что им смотреть. Вежливо попросив Бориса отойти в сторону, она привычно бойко заговорила, показывая авторучкой, изящно зажатой в тонких пальцах, на то самое «пятно», которое он рассматривал:

– Посмотрите, пожалуйста, сюда. Здесь мы с вами можем рассмотреть фрагменты фресковой композиции двенадцатого века. В центре композиции – крупная фигура; сохранилось изображение ее головы с кресчатым нимбом и распростертые над кем-то руки. Судя по кресчатому нимбу, изображен на фреске Иисус Христос. Под распростертыми руками справа заметен фрагмент нимба и верхняя часть головы,

слева – часть руки, что-то подающей Иисусу, – вероятно, макет Кирилловской церкви. Несмотря на плохую сохранность, эти малочисленные фрагменты подсказывают нам, что перед нами ктиторская композиция: Иисус Христос с предстоящими. Трудно судить о том, кого благословляет Христос и кто подносит Ему макет собора. Единственно, что можно утверждать, – что это изображение двух святых. А теперь перейдем к следующей фреске.

Неизвестный святой. Фреска, XII век. Кирилловская церковь. Киев

Ангел, свивающий небо в свиток. Фреска, XII век. Кирилловская церковь. Киев

Панорамный вид интерьера Кирилловской церкви. Киев

Надгробный плач. М. А. Врубель, 1884 г. Кирилловская церковь. Киев

«Так вот оно что! – подумал Борис. – Значит, это не неизвестный святой, а Сам Христос. И это Его взгляд!..» Борис еще раз посмотрел на изображение под зарешеченным окном, сразу увидел Его глаза, и ему стало совсем не по себе от мысли, что этот взгляд на самом деле, наверное, ровесник и даже старше вечности...

* * *

Борис ходил по Кирилловской церкви, озираясь по сторонам, разглядывал фигуры апостолов, святых воинов, мучеников, пророков, столпников, пытаясь прочесть плохо различимые надписи. Рядом с нимбами часто встречалось непонятное ему слово «Агиос»⁶. В одном месте он узнал слово «логос». В другом – с трудом, путаясь и запинаясь, Борис разобрал целую фразу: «Страха несть в любви, но совершенна любви вон изгоняет страх»⁷. Смысл прочитанного поразил его, хотя и не был до конца ясен. Что имел в виду древний святой, Борис точно не знал, но его слова надолго запали в душу и потом иногда всплывали в памяти.

⁶ Святой (греч.).

⁷ 1 Ин. 4: 18 (ц.-сл.). В синод. пер.: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх».

Блуждая по закоулкам большого храма, Борис наткнулся на полукруглую темную нишу с росписью на стене, которую подходившие с группами экскурсоводы называли «Надгробный плач» работы Михаила Врубеля. Поначалу Борису казалось, что художник выбрал неудачные пропорции фигур, особенно для лежащего во гробе Иисуса. Буро-зеленые тона производили необычное впечатление. Борис смотрел на Христа, лежащего в тесном гробу, слушал экскурсовода, который рассказывал о наскоро сделанном маслом на стене эскизе Врубеля, который ему потом не дали уже изменить, сочтя шедевром, о трудностях реставрации отслаивающейся краски и многое другое. Понемногу он проникся смыслом и настроением увиденного.

Распятие. Смерть. Снятие с креста. Положение во гроб. Оплакивание. Воскресение... Вот последний отрезок земного пути Иисуса, отраженный в иконостасах и росписях всех храмов. Но только здесь Борис увидел так крупно и близко безмолвный плач над гробом Того, Кто почему-то зовется Спасителем и Кто сошел с неба на землю, чтобы умереть, воскреснуть и опять уйти на небо, оставив нас страдать и умирать, покидать этот мир навсегда, исчезать в той пугающей неизвестности, откуда нет возврата. Зачем? В чем же тогда спасение? От чего?..

Что есть Истина?

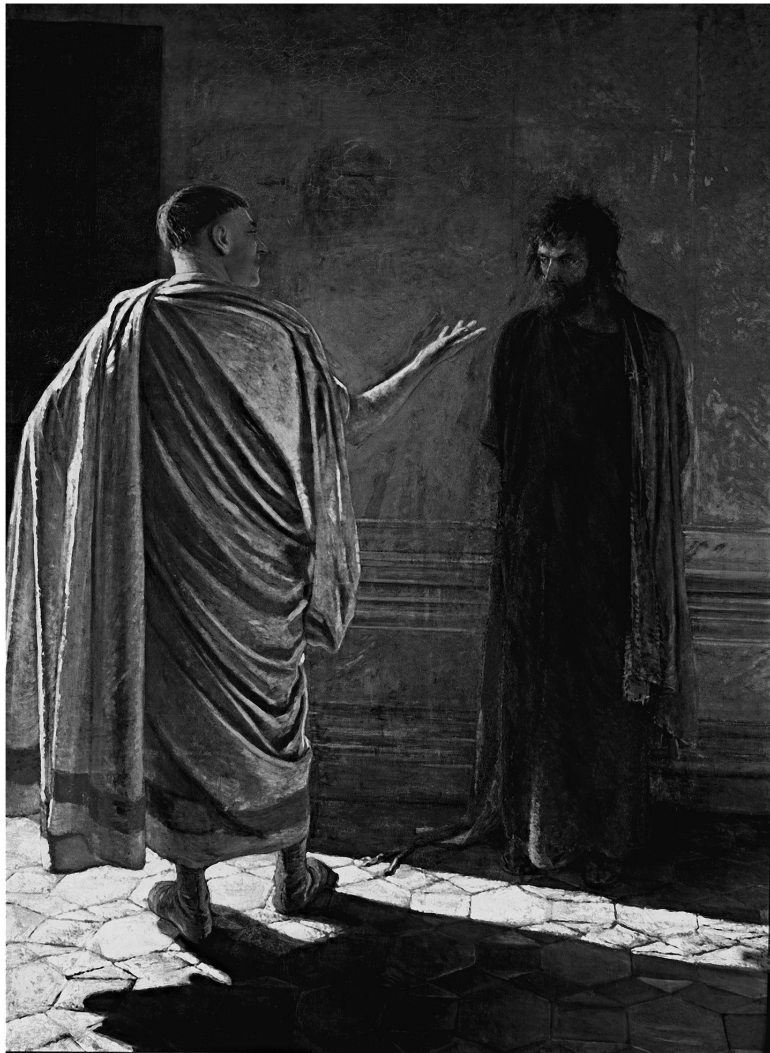
Две главных проблемы мучили Бориса всю жизнь. Это тайна смерти и поиск истины, которые определяют смысл жизни. Что есть смерть и что есть истина? Собственно, тайна смерти могла быть раскрыта только в свете истины. Мысль Бориса кружила и билась, как мотылек о стекло, пытаясь познать эти самые сокровенные тайны бытия, найти ответы на его проклятые вопросы.

Но даже гении человечества не могли ему в этом помочь. Они сами задавали те же вопросы, что и он. Лев Толстой писал о смерти, боялся ее, останавливался у ее черты, ничего не объясняя. Борис как-то особенно почувствовал это, когда, перечитывая «Войну и мир», дошел до того места Аустерлицкого сражения, где Андрей Болконский подхватывает упавшее на землю полковое знамя и бежит в атаку. Он бежит навстречу смерти. Кругом него гибель. Вокруг стонут и падают солдаты, а он заморожено стремится к своей смерти, и ужас встречи с ней, разверзающийся в его душе, все нарастает. Борис чувствует, что Толстому страшно об этом писать, он боится сам, натывается на свой страх, как на невидимую стену, и не может двинуться дальше, и оттого Болконский натывается на невидимую пулю и падает навзничь, и вместо перехода за черту жизни, в неведомое, пугающее и влекущее, в небытие или другое неизвестное бытие – только

небо, ничего, кроме неба. И неубедительные слова о «ничтожестве смерти, смысл которой никто не мог понять и объяснить из живущих»⁸. И тихая смерть Болконского после Бородина тоже ничего не открыла Борису. Ничего. Смерть как «пробуждение» (от жизни?) не объясняла ее тайны. И неясный безвестный свет в конце черной дыры, в которую провалился Иван Ильич, пробарахтавшись в черном мешке смертной агонии⁹, ничего не освещал для Бориса, не давал никакого нового знания и не освобождал от страха. И потому радость Ивана Ильича при виде этого света не была радостью Бориса.

⁸ Толстой Л.Н. Война и мир // Собрание сочинений: В 12 т. М.: Правда, 1984. Т. 3. С. 352–353.

⁹ Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича.

«Что есть истина?». Художник Н. Н. Ге

Голгофа. Художник Н. Н. Ге

Борис видел, что разница между ним и всеми людьми была в том, что он, не будучи смертельно болен, как Иван Ильич, тем не менее видел смерть, как и тот, за всеми делами и вещами. Их обман не скрывал *ее* от него. Умиравший Иван Ильич плакал о своем одиночестве, жестокости людей и Бога, об отсутствии Бога. Живой и здоровый, но знающий о своей смертности Борис тоже искал, за что бы уцепиться на краю невидимой другими, но прозреваемой им бездны. И потому Борис был несчастнее Ивана Ильича, в смерти освободившегося от *ее* страха.

За черту жизни осмелился заглянуть Александр Блок, но он не увидел там ничего, кроме бессмысленной круговерти тех земных вещей, из которой нет исхода. «Умрешь – начнешь опять сначала, и повторится все, как встарь...»¹⁰ Так что же там, за гранью жизни? «Безвестный край, откуда нет возврата земным скитальцам»? А если смерть лишь сон, «какие сны приснятся в смертном сне»? Вот что пугает Гамлета, терзает душу самого Шекспира¹¹. Монолог Гамлета – внутренняя речь человека, ничего не знающего и не верующего в вечность души. Однако Гамлет видел и говорил с духом убитого отца. Гамлету ли после этого говорить о страхе «чего-то после смерти», когда ему открыто – после смерти тела душа живет, томится горем, мстостью и любовью. И «сны» *ее* пол-

¹⁰ Блок А. «Ночь, улица, фонарь, аптека».

¹¹ Шекспир В. Гамлет, принц Датский («Быть или не быть...») / Пер. М. Лозинского.

ны земных страданий. Отец его сражен «врасплох, непричастен и непомазан» в цвету грехов. «О ужас! Ужас! О великий ужас!» Не Гамлету так рассуждать о смерти. Это монолог Шекспира, который, судя по всему, не имел таких свидетельств, а чужим не верил. И Борис хотел, но не мог никому поверить. Где же истина, в чем она?..

В поисках ответа Борис даже специально ходил в Третьяковку смотреть картину Н. Н. Ге «Что есть истина?». Сюжет он знал в расхожем пересказе экскурсоводов, а вот ответ... Вглядевшись в картину, Борис поразился несоответствию большого, сразу бросающегося в глаза уха Пилата и его жеста, заранее цинично отмечающего всякий ответ. Очевидно, Пилату истина жалкого оборванца была не нужна. Но и Борису Христос с полотна ее не открыл. Рядом висел эскиз того же художника «Голгофа». На нем был изображен Христос со вскинутыми руками, в ужасе и отчаянии обхватившими голову. Вид его вызывал острое чувство сострадания. И Борис внутренне возмутился, когда услышал брошенное кем-то походя замечание: «Мазня!» Да, эта не гладкопись классицизма, где мазочек к мазочку сливаются в сверкающую лаком картину. Зато какое чувство! Подлинное страдание человека, всеми преданного и брошенного, обреченного на страшные муки тела и души... Страдание, отчаяние, страх боли... Но истина? Где она? В чем?

Даже монументальное многофигурное полотно Иванова, изображавшее явление Христа народу на Иордане, при

всем богатстве человеческих характеров, подробно описываемых экскурсоводами, не говорило Борису главного. Пророк Иоанн указывает всем на Христа, чья маленькая фигурка видна вдали. Воины, рабы, фарисеи, Иуда, Петр, Иоанн... Все смотрят по-разному. Равнодушно, с надеждой, любопытством. И Борис лишь один из них. Он глядит с недоумением. Почему все взирают на Христа? Его маленькая фигура так далеко. Что Ему до Бориса и всех? И что Он для нас? Ответа не было...

Бориса мучило постоянное, неистребимое желание исчезнуть, раствориться, «вернуться к началу»... Но какому? Иногда плодом его напряженных размышлений и неясных снов становились странные строки в толстой общей тетрадке, в которой он пытался сформулировать родившиеся в нем смутные чувства и тяжкие думы.

«Истина, к которой взывал я так долго и истступленно, внезапно открылась мне, но я ужаснулся и отшатнулся от нее, и она скрылась от меня во мраке. Она исчезла, не сумев проникнуть в мою память, ибо я не принял ее. И само воспоминание о ее появлении истаивает во мне неприметно, быстро и легко, так что теперь я уже сомневаюсь, точно ли она предстала предо мной или была лишь выдумкой моего воспаленного сознания, померкнувшего на мгновение и пробудившегося вновь, чтобы припомнить о страшном своем сне... Но если сомнение мое истинно, почему же тогда так мучает ме-

ня сожаление, что в тот момент силы и решимость оставили меня и я не смог принять ее и потому вернулся во тьму, которую все считают светом, как до сих пор считал и я?..»

Как-то раз еще до встречи со Светланой он попытался найти истину в вине. Прямо по Блоку. Буквально. Борис никогда особенно не выпивал. Иногда в компании он позволял себе немного сухого или крепленого вина, и только. Он всегда хотел сохранять свой ум ясным. Но однажды, когда уже после окончания института они собрались тесной компанией студенческих и новых друзей, он вдруг решил заглушить гложущую его тоску спиртным и выпил больше обычного...

Он очнулся там же, где и сидел во время застолья. Открыл глаза и понял, что проспал почти весь вечер, откинувшись головой на спинку дивана. Вокруг продолжалась веселая вечеринка. Кто-то танцевал, кто-то оживленно разговаривал, шутил, смеялся... Он пошел в ванную комнату, чтобы холодной водой смыть с себя одурь сонного забытья. «Спасенья нет ни в чем: ни в забытии, ни в пьянстве. На жизнь я обречен глухим ее коварством...» – думал он, глядя на бегущую из крана воду. Пробуждение сознания и возвращение к жизни означали возвращение к тем же проклятым неразрешимым вопросам.

Истина иллюзии

Надо было во что-то или в кого-то верить, как-то жить,

а не мучиться. Дело в том, что, будучи убежденным атеистом, Борис тем не менее имел веру. Он вырос на романтике революции и Гражданской войны, почитал классиков марксизма-ленинизма и героев революции... Хотя Борис не был членом партии и страдал душой от лицемерных коммунистов и лицемерной компартии, он искренне верил в идеалы коммунизма, в возможность построения справедливого общества и осуществления всеобщего счастья (пусть не в ближайшем будущем и даже не при его жизни). Учение Маркса и Ленина было для него истинным и потому всесильным. Правда, смерть в нем побеждалась лишь условно, символически, в виде мумифицирования вождей и в благодарной памяти далеких потомков. Иногда Бориса посещала смущающая мысль о странном пристрастии компартий к бальзамированию своих генсеков (Ленин, Г. Димитров, Хо Ши Мин, Сухэ-Батор). Что-то в этом было сродни древним религиозным ритуалам, а не диамату и истмату¹².

Осторожные намеки знакомых на теневые стороны советской истории Борис поначалу с возмущением отвергал как клевету «вражьих голосов». Он с горячностью юного всезнайки спорил с собственной матерью, рассказывавшей ему, как в ее родной деревне проходило раскулачивание и коллективизация и какие пьяницы, и лодыри на самом деле входили

¹² *Диамат* – диалектический материализм. *Истмат* – исторический материализм.

ли в сельские комбеды¹³, романтизированные советской историографией. Но, в конце концов, кризис все же настиг его. Копившиеся годами факты фальши официальной пропаганды и лжи официальной истории сделали свое дело. Жизнь его надломилась, когда он стал узнавать правду обо всем ужасе революционного лихолетья и сталинских репрессий. Это была полная духовная катастрофа. Мир для него перевернулся... По вечерам, поначалу таясь даже от Светланы, он читал книги, привезенные из-за границы или вышедшие в самиздате, за распространение которых тогда еще лишали «осознанной необходимости» и отправляли по этапу в отдаленные места Советского Союза. По ночам ему снились мучительные кошмары о тысячах невинно убиенных жертв революции, Гражданской войны, коллективизации, массовых репрессий, ему виделись списки на ликвидацию, подписанные партийными вождями...

На какое-то время Борис стал, как он сам себя называл, «благочестивым безбожником». В то время он любил парадоксы. Он рассуждал о вере и боге. Своей вере и своим богам. День ото дня он делал записи в своей тетрадке:

«29 мая. Истинная вера критики не боится. Она всегда выше ее.

22 июня. Верить нельзя. Никому нельзя. Своим родным, себе самому нельзя. Вера дарит надежду. Но вера обманывается, ошибается. Ошибается люто. Смертельно, болезненно

¹³ *Комбед* – комитет бедноты.

до безумия, до нежелания жить. Нельзя верить. Нет, нельзя. И не верить невозможно. Никаких сил человеческих не хватит, чтобы не верить. Нет таких людей, быть не может. Безверие изматывает, ожесточает, иссушает душу до бесчувственности...

24 июня. Не только надежда придает силу. Когда ее отнимают у человека, он, вдруг лишившись опоры, поддержки, уже отчаявшись, пережив горе утраты, перестрадав, неожиданно для самого себя чувствует в себе особенную силу. Не ту легковесную, дареную и поверхностную, которую мы не ценим, ибо она слишком просто нам достается, а глубинную, выстраданную, о мощи которой человек лишь догадывается по глухой тяжести внутри себя. Она придает ему твердость, цельность, уверенность, стойкость. Она, словно второе дыхание, пришедшее изможденному, измотавшемуся, обессиленному, но не сошедшему с дистанции. Главное не сойти, не сдаться. И оно придет, это второе дыхание... Если придет...

13 сентября. Из живого человека бога делать нельзя. У него всегда есть слабости. И когда обстоятельства сложатся так, что он в силу какой-то из них отступится, дрогнет, сияние его, нимб померкнут, то разочарование создавшего себе этот образ боготворца будет жестоким. Страшным. Ибо рухнет мироздание, наступит тьма, где лишь боль и стон... Богам не прощают ошибок. Человеку – да, но богам – нет.

Смерть бога равносильна гибели боготворца. И если он

переживет ее телесно, то останется опустошенным или зло-
радно-циничным, пока кому-нибудь не удастся вдохнуть в
него истинную жизнь, став для него новым богом или бого-
подобным. Но этого нового бога, скорее всего, уже никогда
для него не будет. Переживший смерть своего бога не ре-
шится или не сможет сотворить себе нового.

Но как быть человеку, чья душа жаждет бога, взыскует
его и готова уже принять, и в то же время он знает, что его
ожидает, какой опасности он подвергнется, какая катастро-
фа грозит ему из тьмы и света будущего? Решится ли он на
страстную истовую веру вопреки разуму, грозящую гибелью
в случае обмана, но и дарящую невиданную силу и мощь?..
Каждый решает сам...

21 сентября. Когда теряют веру в человека, начинают ве-
рить в бога. Но боги, как люди, рождаются, живут и умирают.
Для того чтобы избавиться от разочарований и пре-
дательств, от падения и смерти богов, надо взрастить бога
в себе. Человек! Стань самому себе богом. Не ищи опоры
вовне, и твой бог умрет лишь вместе с тобой. После тебя.
Так ты избежешь страданий безбожника и вероотступника.
Но, взрастив бога в себе, ты обречешь себя на великое бес-
просветное Одиночество, ибо не предают лишь того, кто ни-
кому не верит.

10 октября. Чтобы испытать блаженство, надобно внача-
ле познать страдание, так же как для веры необходимо отча-
яние»...

Однажды, листая сборник произведений Достоевского, Борис наткнулся на его письмо из ссылки к Н. Д. Фонвизинной, в котором писатель изложил свой символ веры, который, по его словам, «очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной»¹⁴. Борис позавидовал Достоевскому, не его вере во Христа, а вообще его вере, его убежденности, тому, что у него есть такая опора для жизни, хотя он и писал: «я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных».¹⁵

Борис тоже был сыном неверия и сомнения, а его голова была переполнена разрушительными сопротивными доводами. Его жажда веры не могла найти себе предмета, объекта. Он боялся нового обмана, разочарования, новой боли и страдания утраченной истины. Борис много читал Достоевского, подчеркивал карандашом фразы и абзацы, возвра-

¹⁴ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972–1988. Т. 28. Кн. 1. С. 176.

¹⁵ Там же.

щался к ним опять. Он тянулся к Достоевскому душой, чувствуя в себе страстность его героев, их отчаяние и надрыв, хотя и не понимал его веры. Более близок и понятен Борису был бунт Ивана Карамазова. Мир вокруг страшен и несправедлив, полон страданий, войн. Даже невинные дети страдают и погибают... Где же благодать Творца? Да есть ли Он? А если есть, то в чем же Его Промышление о мире? Зачем было создавать весь этот ужас? Ради чего?

Как-то раз ему посчастливилось купить сборник стихов Арсения Тарковского. Среди его переводов он наткнулся на стихотворение Ираклия Абашидзе «Голос у Голгофы» и был потрясен. Борис перечитывал его снова и снова, заучил наизусть и повторял, повторял до боли дорогие строки:

...О боже,
распятый за истину
В Иерусалиме,
Душе моей страстной
несносны земные утраты.
Я в поисках истины,
зверя степного гонимей,
судьбою истерзан,
у гроба стою
нераспятый.

Пока не исчез я бесследно
под крышею гроба
в утробе отчизны твоей,

каменистой и ржавой,
скажи мне:
к чему
так стремились при жизни
мы оба?
Скажи наконец:
что есть истина,
боже мой правый¹⁶.

Стихотворение было для Бориса откровением. Выражением его собственной душевной боли. Однако оно являло истину страдания, но не саму Истину.

В букинистическом отделе «Книжного мира» на Калининском проспекте, куда Борис часто заходил в те времена, когда хорошие книги были еще бóльшим дефицитом, чем хорошая колбаса, ему случайно попала книга Ираклия Абашидзе о поисках следов Руставели в Палестине. Из нее он узнал, что полюбившееся ему стихотворение входит в большой цикл стихов, связанных с этими изысканиями. Потом Борис так же случайно увидел по телевидению выступление Абашидзе на творческом вечере и был потрясен услышанным. Престарелый поэт почти потерял речь, он сипел и хрипел, тяжело выговаривая слова. «Бог наказал меня, ли-

¹⁶ *Абашидзе Ираклий*. *Голос у Голгофы* / Пер. Арс. Тарковского. Цит. по *Абашидзе Ираклий*. *Избранное*. М.: Художественная литература, 1979. С. 212. Здесь и далее в цитировании сохраняются особенности советской орфографии в передаче слов «Бог» и связанных с ним.

шив голоса», – сказал он со сцены в полный зал и с трудом прочитал одно свое стихотворение...

Борису невыносимо захотелось написать ему письмо и поделиться чувствами, которые переполняли его, словно перегретый пар готовый взорваться котел. Он чудом раздобыл адрес, дозвонившись в Союз писателей, и в коротком страстном письме написал о том, как его поразили стихотворение, голос и судьба поэта, спрашивал о цикле стихов, посвященных Руставели, и закончил своим собственным не менее страстным и отчаянным стихотворением:

Я слышал голос твой, поэт,
 глас у Голгофы.
Распятъя страшный силуэт
 чернел сквозь строфы.

Ты припадал к его кресту –
 ключу в пустыне.
Взывал об истине к Христу
 как благостыне.

И рядом с ним себя распял,
 алкая правды.
А он уста сжимал,
молчал.
Ты тщетно страждал.

На кожу пыльную земли

сущности, в этом Борис повторял бунт Иова¹⁷. Он готов был судиться с Богом, если... если Он действительно есть...

Неожиданно Борис получил ответ... но не от Всевышнего, а от поэта, что в тот момент для него было почти равнозначно. Ему пришла заказная бандероль, в которой он обнаружил сборник стихов Ираклия Абашидзе с циклом стихов «Палестина, Палестина». На обратной стороне обложки Борис увидел краткие слова благодарности «за прекрасное письмо» и автограф. Борис был счастлив и горд тем, что ему, безвестному читателю, ответил не просто именитый поэт, а на тот момент еще и Председатель Верховного Совета Грузинской Советской Социалистической Республики, своего рода живой небожитель советского пантеона. Борис внимательно прочитал цикл «Палестина...», написанный в 1960–1963 годах и состоявший из двух вступительных, одного заключительного стихотворений и восьми «Голосов», «услышанных» автором в грузинском Крестном монастыре Палестины, последнем убежище Руставели, почившего там в тринадцатом веке. «Голос у Голгофы» был центральным в цикле и самым значительным во всем сборнике. Но отчаявшемуся сердцу Бориса оказались близки еще несколько строф. От лица легендарного древнего поэта Грузии его современный почитатель писал:

¹⁷ Топоров В. Н. Несколько слов о «Книге Иова» и об этой книге // *Козырев Ф. Н. Испытание и победа святого Иова. Поединок Иакова*. М.: Дом надежды, 2005. С. 186–187.

я поклонялся, веря в естество¹⁹.

Именно «слепое поклонение» и выхолощенная обрядность отталкивали Бориса от того, что он считал религией. Знания о ней он почерпал из советских кинофильмов и учебников атеизма и религиоведения. Человек звучал для него так же гордо, как для Горького, а мудрая мысль, облеченная в человеческое слово, вызывала действительное восхищение и преклонение. Однако у Абашидзе спор Руставели с Богом заканчивался мирной кончиной в окружении братии монастыря:

¹⁹ Там же. С. 187–188.

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ

избранное

Франс Адмони

1982

14-15

III Библия

Когда-то здесь
за истиной по следу
он шел,
предвестьем истины
томим.
С кем спорил он?

С кем затевал беседу?!

Не сомневался.

Веровал.

Аминь.

Борис же во всем сомневался и ни во что не верил. Это было сущим проклятием, невыносимым и нескончаемым. «О, злее зла зло это!...»

* * *

Светлана не видела дневниковых записей Бориса, но интуитивно чувствовала, что ему тяжело и, как могла, поддерживала его. С ее рациональным умом Светлана никогда не принимала близко к сердцу лозунги советской пропаганды. К тому же у нее был замечательный дедушка, которого Борис еще успел застать в живых. Ему было уже под девяносто лет. Он успел родиться и вырасти в прежней, настоящей, России, принять участие в Первой мировой, пожить за границей с тем, чтобы, затосковав по родине, вернуться уже в страну Советов. Богатые семейные предания о жизни старой, еще царской России, правда о голодоморе и коллективизации в СССР давно раскрыли Светлане фальшь советской власти, и потому это был кризис только Бориса. Он искал в жизни опору, смысл, цель... Светлана была практичной. Она искала подходящий комод в тесную комнату и удобные табурет-

ки на маленькую кухню. Ей хватало забот о семье, о сыне... Сам Борис и маленький Василек и были смыслом ее жизни. Но она не возражала против его поисков, хотя и смотрела на них как на некую блажь.

Паломничество в страну Востока

Поиски истины заводили Бориса в места разные, порой экзотические. Он штудировал Фрейда и пытался разгадывать по нему свои сновидения; испробовал на себе голотропное дыхание по Грофу, в надежде докопаться до глубин своего подсознания, а, если повезет, то и узнать о своих прошлых воплощениях – не там ли лежат причины всех его нынешних бед. Забрёдал на Семеновскую в Центр дианетики, адепты которой обещали за кругленькую сумму скорое обретение душевного равновесия в результате одитинга –дикого эрзац-психоанализа хаббардовского пошиба. Долго еще они забрасывали его своими безграмотными письмами, упорно зазывая на очередной платный тренинг, сулящий достижение немислимого совершенства.

Перепробовав «западные пути», то ли под влиянием Германа Гессе, то ли в силу общего увлечения экзотикой, Борис подался-таки «на Восток». Он посещал торжественные и шумные собрания кришнаитов, где разносили прасад милые русские девочки, завернутые в сари из крашенной в оранжевый цвет марли, и распоряжались суровые бритоголовые

кавказские парни со странными, с потеками белесыми пятнами на лбу – знаками особого посвящения. Однако сам Борис получил посвящение и личную мантру для трансцендентальной медитации от американских последователей Махариши Махеш Йоги, коленопреклоненно бормотавших на санскрите молитвы о новых учениках перед фотопортретом учителя, обложенного их приношениями – свежими фруктами, цветами и кусками хлопковой ткани. Борис сосредоточенно пел священный слог Ом, прочищая чакры, чтобы затем чисто и бескорыстно полюбить человечество во всю мощь своей раскрытой анахаты. В медитациях он созерцал какие-то криптографические тексты, которые, как он думал, скрывали от него искомую истину. Он даже зарисовывал по памяти некоторые знаки, но все равно не мог их расшифровать.

Борис читал полуслепые ксерокопии индийских йогов, кое-что практиковал из хатха-йоги, но непонятную для себя радость вдруг обнаружил, наткнувшись в какой-то из индийских книжек на рассуждения йога о распятии Христа. Йог читал Евангелие «по-индийски» и считал трехдневное пребывание Иисуса в гробу трехдневным состоянием самадхи – мнимой смерти йога, в котором он получает высшее откровение. Стражу, мол, подкупили, удара копьём не было, и через три дня Иисус восстал из мертвых. Логика во всем этом была чисто индийская, ни с Евангелием, ни с научной критикой Библии не было ничего общего, но Борис

вдруг ощутил необыкновенную радость от мысли, что Христос остался жив. Пусть самадхи, пусть йога... Но он жив!!! Борис несколько дней ходил в радостном возбуждении, пересказывая близким знакомым прочитанное. Никто не понимал его радости. Он и сам не понимал. «Если Иисус и был в самадхи, тебе-то что до того?» – корил его внутренний голос всегдашнего сомнения. Борис не знал, что ответить. Радость его была не рассудочной.

Тем не менее, он продолжал ходить в одну школу доморощенной советской йоги, где глубоко дышали, танцевали под медитативную музыку и чистили энергетические меридианы... Правда, Борис ничего этого в себе не видел и не чувствовал, хотя по уверению инструктора должен был ощущать и зреть. Только однажды у него перед глазами мелькнули светящиеся нити каких-то энергетических каналов.

Однажды в этой школе им сказали, что пришло время сделать одну длительную генеральную чистку всех каналов и чакр и вступить в общение с Высшим существом, которое само откроется им в каком-либо образе. «Наконец-то», – подумал Борис и приступил к подготовке. В соответствии с наставлениями он долго и тщательно выполнял все предписанное, потому что очень хотел постичь Брахму (так он решил для себя называть Высшее существо в согласии с индийской традицией). В какой-то момент напряженных усилий тела и ума Борис увидел не очень ясный, но узнаваемый образ человека. Он различил только лицо с доброй, сочувствующей

улыбкой на устах...

В тот момент Борис не ощутил в себе ничего особенно-го, но интерес к дальнейшим упражнениям с чакрами у него пропал. Он был удивлен и смущен одновременно. «Это Христос», – почему-то решил он. Все в том же смущении он еще походил пару месяцев в свою «школу», но смотрел на все происходящее отстраненно. «Значит, христианство, – думал он. – Какое? Наверное, надо сначала узнать свое, русское. Вот есть же живая традиция, Православная Церковь... А потом уж, если что-то будет не так, искать другое...»

Когда Борис еще ходил в свою «школу йоги», он накупил там брошюрок, в которых все религии были смешаны в одном коктейле: нравственные заповеди христианства, ислама и буддизма... Статьи о медитации, мандалах, Иисусовой молитве... Последняя его заинтересовала. Он прочел рекомендованную там книгу «Откровенные рассказы странника...», а заодно и статьи Игнатия Брянчанинова на ту же тему. Купил и кое-что прочел в пятом томе «Добротолюбия», посвященном «умному деланию», да и сам начал читать Иисусову молитву во все пустующее время – в основном в дороге на работу и домой, в разъездах по городу... Как-то раз в метро он стоял напротив ряда сидений, держась за верхний продольный поручень, молился и думал о чем-то своем, поскольку молиться, не отвлекаясь, не получалось. Сидевший напротив подвыпивший мужичок начал было спрашивать его, не художник ли он, и прочую пьяную чепуху. Но

Борис не отвечал, молча смотрел на него, повторяя мысленно одну и ту же просьбу к Богу о помиловании. Мужичок продолжал свои расспросы и рассуждения, досадуя на неразговорчивость Бориса, но потом вдруг оборвал себя на полуслове:

– Ты что, молишься что ли? – изумился он собственной догадке, удивленно взирая на Бориса снизу-вверх.

Но Борис промолчал, хотя внутренне подивился, как это нетрезвый пассажир догадался о его «умном делании». Однако в жизни его ничего не менялось. Иногда он чувствовал какое-то тепло возле сердца и его охватывало воодушевление, но ответов на свои главные вопросы он не получал. Постепенно к нему вернулась беспроясненная тоска.

Однажды, когда Борис был дома один и молился, его охватило лютое безысходное отчаяние, и он в изнеможении повалился на пол: «Все бессмысленно, – думал он, лежа ничком на полу. – Бог меня не слышит. Сотни раз в день я молю Его: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного. Но ничего не меняется. Я все так же не знаю, зачем я живу, для чего мучаюсь...» Он долго лежал, уткнувшись лбом в старый вытертый ковер. Когда в дверь позвонили, Борис тяжело поднялся и пошел открывать: Светлана с Васильком вернулись с прогулки...

Той ночью Борис во сне ощутил себя как бы вне тела в бескрайнем черном космосе без света и звезд. Над ним простиралась невидимая бесконечно высокая бездна. Он па-

дал в эту высь и чувствовал себя маленькой песчинкой, потерявшейся в этих незримых просторах. Его начал пробирать страх, который постепенно нарастал. Внезапно откуда-то с высоты как гром прозвучал над ним ясный властный голос: «Ты услышан!» Его охватил ужас, неизъяснимо смешанный с радостью и ликованием, от которых он разрыдался и проснулся весь в слезах. Никогда в жизни, ни до этого, ни после, Борис больше не слышал такого голоса. Это был глас Божий. Борис в этом не сомневался. Если бы он тогда знал Псалтирь, то воскликнул бы с псалмопевцем: «Господи, что́ *есть* человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?»²⁰ А может, повторил бы за Давидом: «Близок Господь ко всем призывающим Его, ко всем призывающим Его в истине»²¹. Но Борис Псалтири не знал и слов для выражения своего изумления у него не было.

Тяжесть и тоска оставили его душу. Он как-то сразу успокоился и перестал читать Иисусову молитву с прежним напряжением и воодушевлением. Но и йогу он тоже бросил. Пришло время узнать что-нибудь о Православии. В его голове сидело множество атеистических аргументов против Бога и Церкви, а в метро к нему то и дело приставали сектанты, к которым у Бориса было стойкое отвращение еще с советских времен. Его внутренне трясло от их елейных зазываний, но аргументов не было никаких.

²⁰ Пс. 8: 5.

²¹ Пс. 144: 18.

Наконец Борис понял, что самостоятельно он со всем этим не справится и вере тоже надо учиться. Поколебавшись, он с другом-однокурсником записался на катехизаторские курсы при одном московском монастыре. Полгода три раза в неделю по вечерам Борис исправно посещал занятия. Светлана с Васильком ждали его дома. Не обходилось и без упреков, но она терпела, как раньше терпела его йогу, сидения допоздна в библиотеке... Пока она стирала, готовила, кормила и укладывала спать малыша, Борис слушал лекции по катехизису, литургике, догматике, иконоведению... Он пел вместе со всеми церковные песнопения, поначалу стыдливо скрывая, что не знает слов даже самых известных молитв: «Отче наш», «Царю Небесный».

Каждый день на курсах приносил Борису открытия. Даже занятия церковным пением поразили его новым, до тех пор неведомым чувством единства с незнакомыми людьми, причастности к чему-то высокому и общему для всех них. Постепенно Борис стал ориентироваться в основных понятиях христианства. Конечно, он еще в советское время читал книги и энциклопедические статьи по разным вопросам, но тогда все было какое-то чужое, вымученное. И сейчас еще, желая выбить из своей головы застрявшие там богоборческие парадоксы, он смущал вопросами преподавателей. Противопоставлял христианским догматам духовный опыт буддизма, йоги... Сомнения продолжали терзать его, и он продирался сквозь них, как через колючий терновник, больно цепляв-

ший и царапавший его душу. Но что-то влекло его вперед все сильнее и сильнее.

Наконец занятия на курсах подошли к концу, и Борис пришел к убеждению, что ему надо исповедаться и причаститься. Он купил брошюрку для подготовки к исповеди, взял тонкую тетрадку и стал записывать в нее все свои грехи, которые вспоминались ему по мере чтения пособия для кающихся. Грехов набралось на несколько листов. В ближайшее воскресенье он заставил себя встать пораньше и поехал в тот же монастырь на литургию. Тогда он еще плохо ориентировался в церковном богослужении и приехал совсем поздно, к самому концу службы. Иеромонах уже собирался уходить, когда Борис подошел к нему со своей тетрадкой.

– Ну, что у вас? – спросил он Бориса без интереса.

– Да я вот хотел исповедаться... – замямлил Борис.

Иеромонах без всякого энтузиазма приготовился слушать. Борис начал читать по тетрадке. Через пару страниц священник перебил Бориса вопросом:

– Вы в первый раз?

– Да, – ответил Борис и продолжил чтение.

Последнее, что сказал Борис, было предубеждение против причастия с общей ложки из опасения чем-нибудь заразиться.

– Но вы причащаться-то будете? – только и спросил священник.

– Буду, – твердо сказал Борис.

Иеромонах молча накиннул ему на голову епитрахиль и тихо прочитал молитву. Затем, посмотрев на растаявшую очередь прихожан к Чаше, сказал Борису:

– Причастие уже закончилось. Приходите в другой раз. Вы молитвы читали?

– Какие? – удивился Борис.

Священник перечислил.

– Как раз и правило к причастию читаете. Будет непонятно, тяжело, но вы все равно прочитайте и тогда приходите.

Через несколько дней Борис, мало что понимая в церковнославянском тексте, механически вычитал все каноны и все правило и пришел на литургию. На этот раз к началу. Найдя того же иеромонаха, Борис наскоро исповедал ему несколько грехов, напомнив, что был у него недавно. Служба прошла для Бориса нетягостно. Правда, было много непонятного, но, главное, Борис причастился. Первый раз в своей сознательной жизни. Он возвращался домой по заснеженной улице, и внутри у него звучали торжественные церковные песнопения. На душе было легко и радостно, хотелось петь, и он действительно пел то, что запомнилось ему на литургии. Так началась его жизнь в Церкви.

Монастырь

Борис еще не знал, что православному христианину нуж-

но каждый день утром и вечером читать домашнее правило, ходить в храм на богослужение каждые субботу и воскресенье и в большие праздники, поститься в среду и пятницу и многое другое. Все это ему еще предстояло узнать и осуществить в своей жизни. Однако жизнь его уже изменилась. В ней появилась радость. Неизъяснимая, невыразимая... Бориса подхватил какой-то невидимый поток и понес. Теперь он мог думать и говорить только о вере. Все остальное ему было неинтересно, скучно. Во время разговоров в компаниях знакомых и родных, когда Борис с увлечением говорил что-нибудь о Христе, Евангелии и Церкви, он иногда замечал переглядывающихся между собой по его поводу людей, но не обижался на них, а лишь сожалел, что им еще не открылось то великое богатство веры, которое переполняло его душу. «Они считают меня чудачком, помешанным на религии, а себя трезвыми прагматиками, прочно стоящими на почве реальности. Когда-то я тоже был материалистом-реалистом и не имел оттого ничего кроме тоски и бессмысленности. Может, и их когда-нибудь приведет Господь к Себе», – думал он.

Сам Борис стремился узнать о Церкви как можно больше. Каждый день читал Евангелие, рассказы о жизни пустынных отцов, книги о молитве, об иконах, по истории Церкви... Ему вдруг открылся огромный, необъятный, доселе неведомый мир, и он жадно вбирал его в себя истосковавшейся и изголодавшейся душой. Как все новоначальные, Борис по-

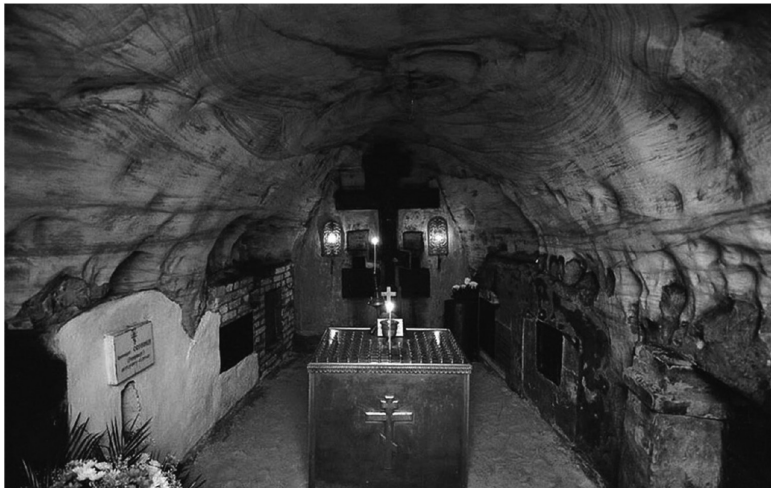
рывался вразумлять неверующих и сомневающих, мечтал побыстрее достигнуть высот созерцательной молитвы, получать откровения, может быть, даже уйти когда-нибудь в монастырь и там молиться, молиться...

Стены и башни Псково-Печёрского монастыря

Соборная площадь монастыря

В Богом зданных пещерах монастыря

Хозяйственный двор Псково-Печерского монастыря

Возможность удовлетворения последнего желания вскоре ему представилась. Знакомые сообщили ему, что принимаются заявки на паломническую поездку в Псково-Печерский монастырь. Значит, он сможет съездить пока на разведку, пожить десять дней в монастыре, узнать, что к чему. А там – как Бог даст...

Борис позвонил по указанному телефону и записался в группу, отъезжающую в июне, взял на работе отпуск и в назначенный день пришел на собеседование. Молодой энергичный иеромонах в простой задушевной беседе рассказал им о монастыре и дал практические советы. Главный сводился к тому, что цель их поездки не экскурсия, а помощь

монастырю в работах по хозяйству. Они те, кого в прежней, православной России называли «трудниками».

– Днем вы будете работать, а вечером ходите в храм на монастырскую службу. Узнаете, что это такое. Это вам не в Москве на приходе. В выходные дни не уезжайте из монастыря смотреть Псков и окрестности. Не превращайте паломничество в православный туризм. Побудьте в монастыре. Поверьте, что от этого вы получите больше духовной пользы, чем от экскурсий...

Светлана напекла Борису в дорогу постных пирогов с горохом и отпустила в дальний путь. В монастырь они приехали в субботу утром. Помощник благочинного расселил их группу по разным кельям, рассказал распорядок дня и оставил осматривать монастырь с молодым разговорчивым послушником-экскурсоводом. Борис был восхищен русской красотой монастыря. Все его поражало. Он в первый раз увидел крепость, которая стоит не на защищенном рекой и рвом холме, а в глубоком овраге. От этого построенные из местного камня высоченные, метров в тридцать, башни, стоящие на дне оврага, едва возвышались над его склонами, а отходящие от них влево и вправо стены круто взбирались вверх, чтобы дотянуться до угловых башен. Невысокие стены по краю оврага замыкали периметр, очерчивая территорию древнего монастыря...

В понедельник после завтрака они отправились в поле на послушания. Женщины на прополку огородов, а мужчины

на сенокос – ворошить и сушить сено. Всю неделю они честно трудились. В поле Борис вспоминал свои прежние навыки, которые он впервые получил в детстве, когда ездил в деревню и помогал там своему деду, а потом уже на заводе, когда молодым специалистом ездил в подшефный колхоз «на картошку». Вечером усталые они приходили на службу в монастырский храм, где монахи неспешно часа четыре, а то и пять молились. Ноги едва держали Бориса, но сидеть было не на чем, да и не принято. Службу Борис не знал, и потому она казалась ему бесконечным чтением и пением малопонятных славянских текстов. Что-то в ней повторялось, и это еще больше утомляло его. Но он все терпел, хотя бы и из последних сил. Ведь и другие устают на работе. Не он один. Людей полный храм. Местные женщины, приезжие паломники, трудники... Ужин начинался только после окончания службы, ближе к десяти часам вечера. Молитва перед началом трапезы. Чтение житий святых во время еды одним из послушников. Молитва после окончания трапезы и расход по кельям. Все было ново, необычно, интересно...

Однажды днем акафист Богородице служили на соборной площади перед Успенским храмом. Борис стоял позади хора послушников и стал свидетелем ссоры двух певчих. Молодой послушник в сером застиранном подряснике разругался с крепким парнем лет тридцати пяти, приехавшим с Украины в надежде поступить в монастырь. Звали его Ярославом. Он был не дурак поест, шутник и балагур. Послушник тре-

бывал от Ярослава не фальшивить своим басом ему в ухо и не сбивать с мелодии. Ярослав оправдывался, что это тот перевирает мелодию и сбивает его самого. Они тихо перебранивались каждый раз после окончания пения икоса, пока священник читал очередной кондак. Кончилось тем, что они нешуточно сцепились, чуть ли не до драки. Увидев это Борис, пребывавший в идиллических грезях о братолюбивой церковной, и особенно монастырской, жизни, чуть не лишился своей новоначалной веры. Он был в сильном недоумении и смущении. «Вот тебе и братья во Христе, смиренные послушники...» – думал он. Но на его счастье певчие помирились и прямо у него на глазах троекратно расцеловались. Сердце Бориса наполнилось радостью и умилением: «Вот такие же люди, как и все мы: сердятся, гневаются... А нашли в себе силы примириться...»

Ежедневная работа в поле утомляла Бориса, но самое тяжелое послушание ждало его в субботу. В этот день в монастыре все работали до обеда. Отец эконоом задумал в эту субботу перевезти запасы воска из подвалов хоздвора в угловую башню. Воск был отлит в огромные «блины» размером в обхват, толщиной в два-три кулака и весом в пуд и больше. «Блины» лежали в ветхих, местами прорванных мешках из подгнившей от сырости мешковины. На это послушание призвали трудников-мужчин из их группы и кого-то еще. Работой руководил шуплый иеромонах в сером подрясничке, как говорили, бывший химик с университетским образова-

нием. Он следил не только за их делом, но и за их речью, чтобы никто не выражался и даже не чертыхался. Если у кого-то с языка срывалось что-то привычно-неприличное он останавливал спокойно, но твердо.

– Тут монастырь и таким речам не место. А то выгоню...

Трудники разного возраста, многие только пришедшие к вере, еще недавние закоренелые сквернословы, кряхтя и охая, вытаскивали мешки из подвала и грузили в бортовую машину. Когда подвалы опустели, грузовик отвез мешки к башне, куда трудники пришли пешком. У башни отец Роман поставил новую задачу: двое поднимают на блоке мешки под самую крышу на третий этаж башни (метров пятнадцать в высоту), а остальные подтаскивают им груз от машины. На подъем он назначил высокого крепкого парня в бурой скуфейке, а в помощь ему придал Бориса. Борис подтаскивал очередной мешок от дверей к концу свисавшей сверху веревки, его напарник набрасывал на горловину мешка петлю и, повисая всем телом и перехватывая веревку, поднимал мешок наверх, где его отцепляли и оттаскивали к стене.

Мешок весил ненамного меньше Бориса, и потому он быстро вымотался. Напарник его тоже был чуть жив, потому что блок был простой, и экономия усилия была минимальной. Очень скоро без помощи Бориса он уже не мог поднять мешок. Пока «скуфееносец» после очередного подъема вытирал пот рукавом и немного приходил в себя, Борис подтаскивал новый мешок. Отдохнуть ему было некогда. Пот лил

с них в три ручья. Пальцы уже едва держали мешковину и веревку, грозя сорваться, но Борис с напарником, сжав зубы, выполняли послушание и не просили замены. На то оно и послушание, чтобы не обсуждать, а выполнять сказанное. В довершение всего последние совсем трухлявые мешки из соображений безопасности пришлось поднимать в каком-то корыте, которое на подъеме перекашивало. Нависавшие над бортом пудовые «блины» грозили свалиться с высоты пятиэтажного дома им на головы, которые ничто кроме потных волос не защищало. Поначалу Борис еще поглядывал с опаской наверх, но потом усталость притупила чувство опасности, и он только ждал окончания этого каторжного труда...

Когда мешки, наконец, кончились и они вышли из башни на летнее солнце, ноги Бориса подгибались от смертельной усталости, а руки не сгибались в локтях, пальцы саднило от мешковины... Он с удивлением увидел вокруг веселых трудников, которые явно не были переутомлены работой. Они балагурили и курили. Да, должно быть, отец Роман поделил общую тяжесть не поровну, но, видно, так надо. Не пристало в монастырских послушаниях искать справедливость. Это Борис уже знал по патерикам.

После обеда у них настало свободное время. Борис устало подумал, не поехать ли ему в Псков, но сил не осталось ни на что, да и сосед по келье, служивший чтецом в московском храме, не советовал. Борис взошел по пологому бетонному водосливу на Святую горку в монастырский сад, лег на ска-

мейку и замер в забытии. Когда зазвонили к вечерней службе, он, морщась от боли во всем теле, побрел в храм...

Ночью, когда усталый Борис спал в выделенной для них келье на хоздворе, он услышал дивные голоса. Их пение было так сладко, так невыносимо прекрасно, что Борис несколько раз просыпался со слезами на глазах и вновь впадал в дрему. Там, в этом странном забытии, где не было привычных звуков и шорохов, пение опять звучало так пронзительно явно, душа приходила в такое умиление и восторг, что ему снова становилось нестерпимо от этого сладостного неземного блаженства. Казалось, что еще чуть и он умрет на излете этих чудных голосов, влекущих его душу в бесконечную высь...

Когда он окончательно проснулся весь в слезах с еще свежим чувством испытанного блаженства в душе, он понял, что это было ангельское пение. Кто же еще мог петь так красиво, так высоко и так восторгать в небо человеческую душу? Борис вспомнил монастырское предание о том, что когда-то давно, именно в этом овраге окрестные жители слышали необычайное ангельское пение и потому считали это место святым. Потом здесь поселился первый отшельник, затем еще... Так возник монастырь. Но за что же Борису такая награда? Разве он постник или молитвенник? Разве он может сравниться с теми, кто достиг бесстрастия, всепрощения, любви к врагам, одним словом, святости? Что он такого сделал? Неужели Господь так награждает человека лишь за безропотный, безвозмездный труд во славу Божию?.. Дивны

дела Твои, Господи!..

Борис вернулся из монастыря другим человеком. Многие неофитские иллюзии рассеялись, как дым. Прежде всего, представление об уютном благостном уединении в монастыре вдали от тревог мира. Он увидел, что мир валом валит в монастырь, переполняя его своими бедами и заботами. Иеромонахи часами исповедовали трудников и паломников. Во-вторых, оказалось, что монастырь – это не только молитва в келье с четками в руках, но и непрерывный труд на послушаниях. Борис видел, как, не разгибаясь, работали в поле послушники, как агроном-иеродиакон в черном подряснике устало ходил по солнцепеку, осматривая высаженную рассаду и гоняя деревенских коз, которых местные жители выпускали подкормиться на монастырских грядках свежими листьями свеклы и капусты. Как иеромонах-водитель развозил на грузовичке по полевым бригадам обед, благословлял трапезу и терпеливо дожидался ее окончания... Монастырь – это тяжелая работа. Труд тела и души. Только когда Борис приехал в Москву и перестал ходить каждый день в храм на службу, он почувствовал разницу. Он словно лишился чего-то неприметного, но важного, что трудно объяснить словами. Оказалось, что так утомлявшие его длинные и непонятные монастырские службы чем-то важны для его души и нужны ей.

Малая церковь

Вернувшись домой, Борис замечал на себе любопытные взгляды домашних, когда он по монастырской привычке молился перед едой и благодарил Бога после завершения трапезы. Борис привез из монастыря их первые семейные святыни: небольшую венчальную пару (иконы Спасителя и Богородицы), икону псково-печерских святых, серебряный образок преподобного Серафима Саровского и нательные крестики... Вскоре в их семье стало привычным молиться перед едой и после нее. Появились уголки с иконами в комнатах, на кухне, в прихожей. Однако ходить каждую неделю в храм Светлана поначалу отказывалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.